…нантам!

Я

Д

Смерть немецким оккупантам!

13-я Гвардейская в боях за Сталинград

ВОЕНИЗДАТ НКО СССР
1943

СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА:
майор Н. БОГОВИС,
ст. лейтенант Е. МЕЕРОВИЧ

Редактор полковник И. ЧЕКАЛИН

Отв. за выпуск батальонный комиссар *Юр. Костюк*

Г228151. Подписано к печати 12.1.43. Объем 3 печ. л. Заказ 5396.

1-я типография Полиграфиздата

Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

13-я ГВАРДЕЙСКАЯ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
1 9 4 3

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Народный Комиссариат Обороны Союза ССР в своем ходатайстве перед Президиумом Верховного Совета СССР об учреждении специальных медалей для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда подчеркнул особую роль 62-й армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград.

В числе соединений, входящих в состав 62-й армии, одно из почетных мест принадлежит прославленной 13-й гвардейской дивизии, которой командует герой Советского Союза гвардии генерал-майор А. И. Родимцев. 13-я гвардейская составляла сердцевину сталинградской обороны.

Гвардейцы Родимцева продемонстрировали всему миру образцы железной стойкости в борьбе за город Сталина.

Своей отвагой, выдержкой, своим умением воевать они срывали планы врага, наносили ему сокрушительные удары.

Среди груды развалин, под непрерывным огнем противника, гвардейцы Родимцева вместе с другими защитниками Сталинграда мужественно отстаивали город, его кварталы, улицы, дома, истребили тысячи гитлеровцев и тем подготовили условия для перехода в решительное наступление.

7 ноября, в день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 13-й гвардейской дивизии был вручен орден Ленина.

Получая высшую правительственную награду, Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Родимцев от имени бойцов и командиров заверил партию, правительство и любимого товарища Сталина, что гвардейская дивизия и впредь будет высоко нести свое боевое знамя. Каждый гвардеец готов биться с врагом до последней капли крови.

В материалах настоящего сборника популяризируется боевой опыт и славные традиции гвардейцев, на которых должны воспитываться советские воины.

Отдел агитации, пропаганды и печати
Политуправления Сталинградского фронта

ГЕРОИ СТАЛИНГРАДА

Гигантская битва в районе Сталинграда не только не затихает, но день ото дня становится все ожесточеннее, все упорнее. И каждый новый день этой битвы рождает в рядах защитников города новых героев.

Таковы прежде всего бойцы, командиры и политработники гвардейской дивизии, которой командует Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Родимцев. Крылатая слава осеняет их путь борьбы за Сталинград. Храбрейшие среди храбрых, они своей стойкостью, бесстрашием и воинским умением, своей яростью в боях с ненавистным врагом выделяются среди доблестных защитников Сталинграда.

Каждый день гвардейцы принимают на себя по 12—15 атак вражеских танков и пехоты, поддерживаемых авиацией и артиллерией. И всегда они до последней возможности отражают натиск врага, покрывая землю новыми десятками и сотнями фашистских трупов. Не только умом—всем своим сердцем, всем своим существом гвардейцы сознают, что отступать нам дальше нельзя, отступать дальше некуда, Сталинград надо отстоять во что бы то ни стало. Полные непреклонной решимости скорее сложить свои головы, чем сделать хоть шаг назад, они, как утес, стоят на своих позициях, и, как об утес, дробятся об их позиции многочисленные валы вражеских атак.

Гвардейцы упорно и мужественно отстаивают каждый дом каждую улицу и, выбирая удобные моменты, переходят в контратаки, опустошая ряды врага. Только за один день они перебили две тысячи гитлеровцев, уничтожили 18 танков, 30 автомашин. В другой день гвардейцы подожгли и подбили 42 вражеских танка. Железное упорство в обороне, стремительный

натиск в контратаках—отличительная черта гвардейцев дивизии, которой командует генерал-майор Родимцев.

Защищая Сталинград в огне, дыму и крови, сражаясь под непрерывными ударами вражеской артиллерии и авиации, гвардейцы всегда тверды и незыблемы духом. Сердца их, закалившись в горниле битв, стали крепче самого крепкого металла. Они не знают колебаний и страха в борьбе, мужество и отвага—всегда с ними. Гвардии заместитель политрука Кабанов во время контратаки пробрался в тыл противнику, перестрелял орудийный расчет и немедленно открыл из немецкого орудия уничтожающий огонь по немцам. Гвардии красноармеец Муркин в штыковой схватке на улице заколол двух офицеров и нескольких солдат. Наводчик противотанкового орудия гвардии красноармеец Кузнецов, отражая атаку танков, был ранен, но продолжал борьбу и уже после ранения подбил три вражеских танка. И это—не единичные случаи, не исключение: сражаться бесстрашно, неутомимо, упорно, до последней капли крови — это закон гвардейцев.

Но слава гвардейцев не только в их храбрости. Истые герои, они сочетают отвагу с воинским мастерством. В уличном бою, одном из самых сложных видов боя, они умеют отыскать самый верный путь к успеху и, чего бы это ни стоило, пробиться по этому пути. Мелкие группы бойцов, хорошо изучив район действий, просачиваются дворами в тылы и на фланги врага, выводят из строя расчеты немецких орудий, пулеметчиков и автоматчиков. Гвардии старший сержант Дадымин пробрался на улицу, занятую противником, залез на чердак, перестрелял оттуда расчеты двух вражеских пулеметов и, захватив оба пулемета, вернулся в свою часть. Во время этой вылазки он убил 20 немцев. Отделение гвардии сержанта Устюгова уничтожило из окон домов группу из 23 солдат во главе с офицером. Во всех подразделениях хорошо поставлена служба связи, разведка, непрерывно ведется наблюдение за врагом. Это позволяет командованию быстро реагировать на малейшие изменения обстановки и на каждый удар врага немедленно отвечать контрударом.

Мастера воинского дела, люди беззаветной храбрости, гвардейцы, которыми командует генерал-майор Родимцев, всегда действуют предприимчиво, инициативно. Минометный расчет в составе гвардейцев Кизлякова, Кепина и Коростылева продвигался вслед за пехотой. Неожиданно из-за угла появился немецкий танк с десантом в 16 автоматчиков. Подпустив танк на 100 метров, минометчики беглым огнем уничтожили всех автоматчиков, а танк подбили. Никогда не теряться в самом трудном положении, бить врага, где бы он ни встретился, — это закон гвардейцев, который они соблюдают нерушимо.

Так защищают Сталинград, так бьются за родину гвардейцы, которыми командует генерал-майор Родимцев. Вглядываясь в их лица сквозь кровавое марево пожарищ, окутавших Сталин-

Герой Советского Союза гвардии генерал-майор А. М. Родимцев среди лучших бойцов-гвардейцев своей дивизии.
Слева направо: И. Аскеров, Н. Низябеков, генерал-майор А. М. Родимцев, К. Григорьев, В. Войтов, М. Вакс и Л. Блохин.

град, сквозь дым разрывов и тучи земли, вздыбленной снарядами и бомбами, страна отчетливо видит на этих мужественных лицах черты, отличающие подлинных героев. И страна от всего сердца говорит им с любовью и благодарностью:

— Слава вам, герои-гвардейцы!

В эти дни, когда взоры всего советского народа прикованы к Сталинграду, нет для советских людей человека ближе и дороже, чем защитник Сталинграда, нет в нашей стране имени славнее и почетнее, чем герой Сталинграда. Об этом надо крепко помнить, эту всенародную любовь и доверие надо оправдать доблестными боевыми делами.

(Из передовой газеты „Красная звезда“ за 1 октября 1942 г.).

Вас. ГРОССМАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Месяц тому назад одна наша гвардейская дивизия своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами подошла к рыбачьей слободе на восточном берегу Волги, напротив Сталинграда. Марш был совершен необычайно стремительно—на автомашинах. День и ночь пылили грузовики по плоской заволжской степи. Коршуны, садившиеся на телеграфные столбы, становились серыми от пыли, поднятой движением сотен и тысяч колес и гусениц, верблюды тревожно озирались: им казалось, что степь горит,—могучее пространство все клубилось, двигалось, гудело, воздух стал мутным и тяжелым, небо заволокло красной ржавой пеленой, и солнце, словно темная секира, повисло над тонущей во мгле землей.

Дивизия почти не делала остановок в пути, вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, люди на коротких остановках едва успевали глотнуть воды и стряхнуть с гимнастерок тяжелую, мягким пластом ложившуюся пыль, как раздавалась команда: „По машинам!", и снова моторизованные батальоны и полки, гудя, двигались на юг.

Стремительность движения захватила всех—и бойцов, и водителей, и артиллеристов. Только генералу Родимцеву казалось, что его дивизия движется слишком медленно, он знал, что в эти дни немцы подошли вплотную к Сталинграду. И генерал торопил дивизию, сокращал и без того короткие остановки. Напряжение его воли передавалось тысячам людей—им казалось, что вся их жизнь состоит в стремительном, день и ночь длящемся походе.

Дорога повернула на юго-запад, и вскоре стали попадаться клены и вербы с красными стройными ветвями, с узкими серебристо-серыми листьями, вокруг раскинулись большие сады, засаженные приземистыми яблонями. И одновременно с приближением к Волге дивизия увидела темное высокое облако—его нельзя было спутать с пылью, оно было зловещим, тяжелым и черным, как смерть: то поднимался над северной частью города дым горящих нефтехранилищ. Большие стрелы, прибитые к стволам деревьев, указывали в сторону Волги, на них было написано: „Переправа".

Дивизия подошла к Волге в грозные для Сталинграда часы. Нельзя было дожидаться ночной переправы—люди торопливо сгружали с машин ящики с оружием и патронами, вместе с хлебом получали гранаты, бутылки с горючей жидкостью, сахар, колбасу.

Нелегкая вещь быстро переправить через Волгу дивизию, когда в небе носятся желтые осы- мессера, когда немецкие пикировщики бомбят берег...

Но дух стремительного движения, принятый дивизией на марше, воля к сближению с противником помогли справиться с этой задачей. Люди грузились на баржи, паромы, лодки. „Готово?“—спрашивали гребцы. „Полный, вперед“,—кричали капитаны катеров, и серенькая, подвижная полоска зыбкой воды между бортом и берегом вдруг начинала расти, шириться, волна тихо поплескивала у носа суденышка и сотни глаз напряженно, внимательно глядели то на воду, то на поросший, начавший желтеть листвой низовой берег, то туда, где в беловатой дымке высился сожженный город, принявший жестокую и героическую судьбу.

Баржи колыхались на волне, и людям стрелковой, земной, дивизии иногда становилось страшно от того, что враг всюду, а они встречаются с ним, не чувствуя успокаивающей прочности земли под ногами. Невыносимо прозрачен и чист был воздух, невыносимо ясно синее небо, безжалостно ярким казалось солнце, обманчиво неверной текучая, плоская вода. И никого не радовало, что воздух чист, что ноздри ощущают речную прохладу, что воспаленных от пыли глаз касается нежная влажность дыхания Волги. На баржах, паромах, катерах и лодках молчали. Головы тревожно поворачивались, все глядели на небо.

— Пикирует!—крикнул кто-то.

Метрах в пятидесяти от баржи вдруг выгнало из воды высокий и тонкий голубовато-белый столб с рассыпчатой вершиной. Столб обвалился, обдав людей обильными брызгами. И тотчас еще ближе вырос и обрушился второй столб, за ним третий. А в это время немецкие артиллеристы открыли беглый огонь по начавшей переправу дивизии. Снаряды рвались на поверхности воды, и Волга покрывалась рваными пенными ранами, осколки застучали по бортам баржи, тихо вскрикивали раненые, так тихо, словно старались скрыть ранение от друзей, врагов, самих себя.

Был страшный миг, когда тяжелый снаряд ударил в борт небольшого парома. Блеснуло пламя, темным дымом закрыло паром, послышался звук взрыва и протяжный, точно родившийся из этого грохота, людской вскрик. И тотчас тысячи людей увидели, как среди покачивающихся на воде древесных обломков зеленеют тяжелые стальные каски плывущих. Двадцать гвардейцев из сорока на пароме погибли.

Ночью переправа продолжалась, и никогда, пожалуй, сколько существует свет и тьма, люди так не радовались мраку сентябрьской ночи. Генерал Родимцев провел ее в напряженной деятельности.

За время войны Родимцеву пришлось пройти через много испытаний. Его дивизия дралась под Киевом, она выбивала из Сталинки прорвавшиеся эс-эсовские полки, она не раз разбивала кольцо окружения, переходя от обороны к бешеным атакам. Темперамент, сильная воля, спокойствие, быстрота реакции, уменье наступать, когда всякому другому кажется, что о на-

ступлении и мечтать нельзя, военная опытность и осторожность, сочетающиеся с личным бесстрашием — черты военного характера молодого генерала. И характер генерала стал характером его дивизии.

Мне часто приходилось встречать в армии больших патриотов своего полка, батареи, танковой бригады. Но нигде, пожалуй, не видел я такой привязанности к своей части, такого патриотизма, как здесь. Он носит трогательный характер. В дивизии гордятся, конечно, в первую очередь своими боевыми делами, гордятся своим генералом, своей техникой. Но если послушать командиров, то нигде нет такого повара, умеющего мастерски печь пирожки, такого парикмахера, который не только замечательно бреет, но и артистически играет на скрипке. Когда кого-нибудь хотят пристыдить, говорят: „Что ты, ей богу, делаешь, ведь в нашей-то дивизии...“ Часто также слышишь: „Вот скажу генералу... генерал будет доволен... генерал будет огорчен“. Ветераны, как они себя называют, рассказывая о больших военных делах, обязательно вставят в разговор: „Да уж так повелось, наша дивизия всегда дерется на самых ответственных участках“. Раненые в госпиталях беспокоятся, как бы их не отправили в другую часть, пишут письма товарищам...

Может быть, в эту ночь, когда последние подразделения переправились в Сталинград, генерал подумал, что дружба, связывающая людей, поможет ему воевать в этой исключительно своеобразной и тяжелой обстановке.

Действительно, трудно было бы придумать более сложную и неблагоприятную картину начала боя. Дивизия, вступая в Сталинград, разделялась на три части: во-первых, тылы ее и тяжелая артиллерия оставались на восточном берегу, отделенные от полков Волгой; во-вторых, полки, переправившиеся в город, тоже не могли держать сплошной линии фронта, так как немцы уже стояли между двумя полками — переправившимся в заводском районе, и полком, переправившимся ниже по течению.

Я убежден, что именно это чувство своего „дивизионного“ патриотизма, любовь, привычка, связывающая командиров, некое единство военного стиля, единство характера дивизии и ее командира в большой степени помогли разъединенным подразделениям действовать не вразброд, а как стройному целому, установить связь, взаимодействие и, в конце концов, блестяще решив общую боевую задачу, создать непрерывную линию фронта всех трех полков и образцово наладить снабжение боеприпасами и продовольствием.

В самом городе положение было тяжелым: немцы считали, что занятие Сталинграда вопрос дня, может быть часов. Главной силой обороны являлась, как часто это бывает в тяжелые времена, наша артиллерия. Немцы боролись с ней с помощью автоматчиков — условия уличных боев позволяли незаметно под-

крадываться к пушкам и внезапными очередями выбивать расчёты. Немцы вот-вот собирались вырваться к берегу и опрокинуть нас в Волгу. Но недаром день и ночь шли в клубах пыли машины, недаром шли полки...

Наутро генерал Родимцев переправлялся в Сталинград на моторной лодке. Что должна была предпринять дивизия, вступившая в строй обороняющих Сталинград войск? Дивизия, тыл которой находился за Волгой, командный пункт в пяти метрах от воды, а один полк был „отжат" немцами от остальных полков. Занять оборону, начать срочно окапываться, укрепляться в домах? Нет, не это. Положение было настолько тяжелым, что Родимцев прибег к иному, грозному, уже испытанному им под Киевом средству—он начал наступать! Наступать всеми полками, всеми средствами своего могучего огня, всей силой своего умения, всей стремительностью. Он начал наступать всей силой горького гнева, охватившего тысячи людей, увидевших в красном свете восходящего солнца тяжко израненный немцами город, с его белыми домами, чудесными заводами, широкими улицами и площадями. Солнце восхода, словно огромный налившийся кровью скорби и гнева глаз, смотрело на бронзового Хользунова, на орла с одним простертым крылом над обвалившимся зданием детской больницы, на белые фигуры нагих юношей, выделяющихся на бархатно-черном фоне покрывшегося копотью пожара здания дворца физкультуры, на сотни молчащих, ослепленных домов. И такими же налитыми кровью гнева и скорби глазами смотрели на изуродованный немцами город тысячи людей, переправившихся через Волгу.

Немцы не ожидали наступления, немцы настолько были уверены в том, что, методически отжимая наши войска к берегу, сбросят их в Волгу, что не закрепляли капитально занятого пространства. Гвардейский полк Елина и два других штурмовали занятые немцами улицы города. Они не ставили себе первой целью соединиться. Первой их целью было бить противника, отнять у него то, что создавало выгодные условия немецких позиций. Полк Елина пошел на штурм, не видя двух своих товарищей-полков. Но полк чувствовал и верил, что он не один принял тяжкий жребий. Он чуял дыхание двух гвардейских полков, близко, рядом, возле себя. Он слышал их тяжкую поступь, грохот их артиллерии звучал, как братские голоса, дым и пыль сражения, взметнувшиеся высоко в воздух, говорили о движении гвардии вперед.

Полк Елина штурмом взял огромные здания — опорные пункты немцев.

Никогда еще не приходилось вести таких боев. Здесь все общепринятые понятия сдвинулись, сместились, словно в город над Волгой шагнули леса, степные овраги, горные кручи и ущелья, равнинные холмы. Здесь словно воедино собрались особенности всех театров войны—от Белого моря до Кавказских гор. Одно отделение в течение дня переходило из-за

кустарников и деревьев, напоминавших рощи Белоруссии, в горную расщелину, где в полумраке нависающих над узким переулком стен приходилось пробираться по каменным глыбам обвалившегося брандмауэра, еще через час оно выходило на залитую асфальтом огромную площадь, во сто крат более ровную, чем донская степь, а к вечеру ему приходилось ползти по огородам среди вскопанной земли и полуобгоревших поваленных заборов, совсем как в дальней курской деревеньке. И эта резкая смена требовала постоянного напряжения командирской мысли, быстрой перестройки всех приемов боя. А иногда часами длились упорные штурмы домов, бои происходили в заваленных кирпичом полуразрушенных комнатах и коридорах, где сражающиеся путались ногами в сорванных проводах, среди измятых остовов железных кроватей, кухонной и домашней утвари. И эти бои не были похожи ни на один театр от Белого моря до Кавказа.

В одном здании немцы засели так прочно, что их пришлось поднять на воздух вместе с тяжелыми стенами. Шесть человек саперов под лютым огнем чующих смерть немцев поднесли на руках 10 пудов взрывчатки и произвели взрыв. И вот на миг представляешь себе эту картину: лейтенанта сапера Чермакова, двух сержантов Дубового и Бугаева, саперов Клименко, Шухова, Мессерашвили, ползущих под огнем вдоль разваленных стен, каждого с полуторапудовым запасом смерти, их потные, грязные лица, их потрепанные гимнастерочки. Сержант Дубовой крикнул:

— Не дрейфь, саперы!—и Шухов, кривя рот, отплевывая пыль, отвечал:

— Где уж тут! Дрейфить раньше надо было.

А пока Елин победоносно занимал здание за зданием, другие два полка штурмовали курган, место, с которым многое связано в истории Сталинграда, — оно известно со времен гражданской войны. Здесь играли дети, гуляли влюбленные, катались зимой на санях и на лыжах. Место это на русских и немецких картах обведено жирным кружком. Когда его заняли немцы, то генерал Готт, вероятно, сообщил об этом радостной радиограммой германской ставке! Там оно значится как „господствующая высота, с которой просматриваются Волга, оба ее берега и весь город“. А на войне то, что просматривается, то и простреливается. Страшное это слово—господствующая высота. Ее штурмовали гвардейские полки.

Много хороших людей погибло в этих боях. Многих не увидят матери и отцы, невесты и жены. О многих будут вспоминать товарищи и родные. Много тяжелых слез прольют по всей России о погибших в боях за курган. Недешево далась гвардейцам эта битва. Красным курганом назовут его. Железным курганом назовут его—весь покрылся он колючей чешуей минных и снарядных осколков, хвостами-стабилизаторами германских авиационных бомб, темными от пороховой копоти гильзами, рубчатыми, рваными кусками гранат, тяжелыми стальными

тушами развороченных германских танков. Но пришел славный миг, когда боец Кентя сорвал немецкий флаг, бросил его о земь и наступил на него сапогом.

Полки дивизии соединились. Невиданно тяжелое наступление завершилось успехом. Этим как бы закончился первый период боевой работы дивизии в Сталинграде. Фронт, занятый ее полками, сплошной линией прошел по выгодным и устойчивым рубежам. Люди обогатились в этих боях огромным, бесценным опытом, который нельзя было почерпнуть ни в одной академии мира.

Начался второй период тяжкой битвы—оборонительная война, с десятками внезапностей, мощными атаками немецких танков, жестокими налетами пикировщиков, контратаками наших подразделений, снайперская война, в которой участвуют все виды огня от винтовки до тяжелой пушки и пикирующего бомбардировщика, новый период со своим изумительным, странным, ни на что не похожим бытом. Ведь шли не только часы, шли дни и недели жизни в этом дымном аду, где ни на минуту не смолкали пушки и минометы, где гул танковых и самолетных моторов, цветные ракеты, разрывы мин стали так привычны городу, как некогда были привычны дребезжанье трамвая, автомобильные гудки, уличные фонари, многоголосый гул тракторного завода, деловитые голоса волжских пароходов. И здесь ведущие битву создали свой быт—здесь пьют чай, готовят в котлах обеды, играют на гитаре, шутят, следят за жизнью соседей, беседуют. Здесь живут люди, чей характер, привычки, склад души и мысли—плоть от плоти народа, пославшего на трудный подвиг своих сыновей.

Мы пошли на командный пункт дивизии в десять часов вечера. Темные воды Волги были освещены разноцветными ракетами, они на невидимых стеблях склонились над истерзанной набережной, и вода то казалась шелковисто-зеленой, то фиолетово-синей, то вдруг становилась розовой, словно вся кровь великой войны впадала в Волгу.

— Слышь, обед приносили?—спрашивает боец, сидящий у входа в блиндаж. Из темноты отвечает голос:

— Давно пошли, да вот нет их обратно. Либо залегли где, либо не дойдут уже вовсе. Сильно очень бьет около кухонь.

Командный пункт дивизии размещен в глубоком подвале, напоминающем горизонтальную штольню каменноугольной шахты: штольня выложена камнем, креплена бревнами и, как в заправской шахте, по дну ее журчит вода. Здесь, где все понятия сместились, где продвижение на метры равносильно многокилометровым боевым движениям в полевых условиях, где иногда расстояние к засевшему в соседнем доме противнику измеряется двумя десятками шагов, естественно, сместилось и взаиморасположение командных пунктов дивизии. Штаб дивизии находится недалеко от противника, соответственно расположены командные пункты полков и батальонов. „Связь

с полками в случае прорыва,—шутя говорит работник штаба,—легко поддерживать голосом, крикнешь—услышат. А оттуда голосом в батальон передадут". Но обстановка командного пункта такая же, как обычно,—она не меняется, где бы ни стоял штаб: в лесу, во дворце, в избе. И здесь, в подземелье, где все ходит ходором от взрывов мин и снарядов, сидят, склонившись над картой, штабные командиры, и здесь ставший традиционным во всех очерках с фронтов войны связист кричит: „Я—луна, я—луна", и здесь, скромно держа в рукаве махорочную папиросу и стараясь не дышать в сторону начальства, сидят в углу связные. И сразу же здесь, в штольне, освещенной бензиновыми лампочками, чувствуется, что к одному человеку тянутся все нити проводов от разрушенных домов, заводиков, мельниц, занятых гвардейской дивизией, что к одному человеку обращены вопросы командиров.

В штольне, словно у основания плотины, сдерживающей страшный напор рвущихся к Волге вражеских сил, пол, стены, потолок—все дрожит от напряжения, от тяжести взрывов бомб и ударов снарядов: дребезжат телефоны, пляшет пламя в лампах, и огромные неясные тени судорожно движутся на мокрых каменных стенах. А люди спокойны—они здесь, в этом горниле, были вчера, были месяц назад, будут завтра. Сюда несколько ночей назад прорвались немцы и бросали под откос ручные гранаты—пыль, дым, осколки летели в штольню, из тьмы доносились выкрики команды на чуждом, дико звучащем здесь, на волжском берегу, языке. И командир дивизии Родимцев оставался в этот роковой час таким же, как всегда: спокойным, с немного насмешливой речью, каждым размеренным своим словом закладывающий увесистый камень в пробитую вражеской силой плотину. И вражеская сила отхлынула.

Мы беседуем с генералом Родимцевым. Он говорит:

— Дивизия вошла в ритм битвы.

За время нашего разговора телефоны звонили раз десять, генерал чуть-чуть поворачивал голову, говорил два-три слова дежурному по штабу. И в этих коротких словах, произносимых легко, буднично, словах боевых приказов, была торжественная сила человека, овладевшего ритмом боевой бури, человека, диктовавшего этот ритм дивизии, которой он командует.

Заместитель генерала отдавал последние распоряжения перед штурмом одного из домов, занятого немцами. Этот большой пятиэтажный дом имел большое значение, из его окон немцы просматривали Волгу и часть берега.

План штурма меня поразил множеством деталей, сложностью разработки. На аккуратно сделанном чертеже был нанесен дом и все соседние постройки. Условные значки показывали, что во втором этаже в третьем окне находится ручной пулемет, на третьем этаже в двух окнах сидят снайперы, а в одном—расположен станковый пулемет,—словом, весь дом был разведан по этажам, по окнам, по черным и парадным подъездам. В

штурме этого дома участвовали минометчики, гранатометчики, снайперы, автоматчики. В этом штурме участвовала полковая артиллерия и мощные пушки, находившиеся на том берегу, в Заволжье. У каждого рода оружия была своя задача, строго сопряженная с общей целью, взаимная связь, управление осуществлялись системой световых сигналов, по радио, телефонами.

... Глубокой ночью мы ехали вдоль Сталинграда на моторной лодке. Шесть километров дороги, несколько десятков минут по широкой волжской воде.

Волга кипела, синий пламень разрывов германских снарядов вспыхивал на волнах, выли несущие смерть осколки, угрюмо гудели в темном небе наши тяжелые бомбардировщики. Сотни светящихся, вьющихся трасс, окрашенных в синий, красный, белый цвета, тянулись к ним от германских зенитных батарей, бомбардировщики изрыгали по немецким прожекторам белые трассы пулеметных очередей. Заволжье, казалось, потрясало всю вселенную могучим рокотаньем тяжелых пушек, всей силой великой нашей артиллерии. На правом берегу земля дрожала от взрывов, широкие зарницы бомбовых ударов вспыхивали над заводами, земля, небо, Волга—все было охвачено пламенем. И сердце чуяло—здесь идет битва за судьбу родины, здесь ровно, торжественно, среди пламени сражается наш народ.

Командир роты гвардии младший лейтенант П. Павленко и его помощник П. Грубов.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

ГВАРДЕЙЦЫ ДЕРЖАТ ОБОРОНУ

Круглые сутки стоит над городом и его окрестностями несмолкаемый гул. Надрывно ухают пушки, с воем летят и рвутся мины и бомбы, захлебываясь строчат пулеметы и автоматы. Стонет земля, и вздрагивают стены домов.

С треском рушатся здания, поднимая облака удушливой пыли, низвергаясь падающими сверху обломками, вместе с осколками далеко летят куски кирпича, камня. С визгом и скрежетом падают листы кровельного железа на избитую мостовую. Все больше ран и разрушений на теле города. Но город держится. Он стоит в бою, как богатырь, выдерживая натиск врага.

По нескольку вражеских атак в день выдерживает гвардейская часть, которой командует Герой Советского Союза тов. Родимцев. Гвардейцы упорно отстаивают свои позиции—каждый дом, каждый двор, каждый угол. Они держат активную оборону и в удобные моменты переходят в контратаки, нанося противнику серьезные потери. Только за два дня гвардейцы истребили несколько тысяч гитлеровцев, превратили в груды лома десятки вражеских танков и автомашин.

Гвардейцы первыми откликнулись на призыв ветеранов обороны прославленного Царицына. Обращение героев Царицына и письмо гвардейцев влили новую силу в сердца защитников города Сталина. Обсуждая эти документы в перерывах боев, красноармейцы, командиры и политработники отвечают на них новыми подвигами. На подразделение, которым командует тов. Горышный, немцы повели атаку. Стойко дрались бойцы, изматывая врага, а затем перешли в контратаку и выбили гитлеровцев из одного опорного пункта. Старшина Парфентьев уничтожил в этом бою 6 станковых пулеметов врага вместе с расчетами.

Большие потери противнику нанес минометный расчет гвардии младшего сержанта Ивана Бодина. В городе шел жаркий бой. Немцы рвались на одну из улиц. Им удалось выдвинуть вперед пулемет и установить его в укрытие. Трудно держаться под непрерывным пулеметным огнем. И на помощь пехотинцам пришел Бодин. Минометчики незаметно выдвинулись вперед и забрались в ров. Точный прицел ставил наводчик Карташев. Две мины—и вражеский пулемет взлетел в воздух. Выпустив еще несколько мин по немецким автоматчикам и облегчив положение стрелкового подразделения, минометчики перешли на другую позицию. Теперь они обосновались у цементной трубы под железнодорожной насыпью. Вдруг к ним прибежал, запыхавшись, перепуганный мальчик. Из его бессвязной речи минометчики узнали, что к ним во двор собралось до полусотни пьяных фашистов. Они выгнали всех жильцов и начали грабить.

— А где дом твой, сынок?—спросил командир.

— А вон тот, со скворешником. Только скворцов уж там нет.

— Ты не тараторь, а говори толком. От угла который будет?

— Третий.

Младший сержант вылез на насыпь. Послышались лаконичные слова команды. Первая мина разорвалась дальше. Командир скорректировал. Вторая и третья угодили в цель. Из дома посыпались на улицу фашисты.

— Крой беглым!

С визгом летели мины. Они рвались во дворе и на улице, настигая своими осколками бегущих немцев. Увидя работу минометчиков, прибежал младший лейтенант из соседнего подразделения:

— Помогите нам. Вон в том доме под красной крышей засело около тридцати немецких автоматчиков. Никакого хода не дают.

— Будет сделано, товарищ младший лейтенант.

На этот раз командиру пришлось забраться на крышу соседнего дома. Отсюда лучше была видна цель. Одна мина пошла на пристрелку, следующие легли точно в дом. Ни один немец не ушел живым из домика под красной крышей. В боях за Сталинград расчет гвардии младшего сержанта Бодина уничтожил 226 гитлеровцев, две противотанковые пушки, два станковых пулемета и автомашину с боеприпасами.

Южнее Сталинграда две колонны танков двинулись на наши позиции. За танками бежали автоматчики. 24 танка шли на один фланг и 28 машин—на другой. Враг намеревался загнать сразу два клина и взять наши подразделения в клещи.

Навстречу каждой группе выдвинулись подразделения гвардейской части с батареями мощных минометов. К бойцам обратился гвардии политрук Москаленко:

— Доблестные гвардейцы! Здесь в 1918 году наши отцы остановили врага. Они оросили своей кровью эти рубежи, удержали Царицын. Смеем ли мы отойти от этих славных бастионов. Не посрамим священной памяти отцов. Умрем, но не пропустим врага. Немец здесь не пройдет!

— Не пройдет!—дружно ответили гвардейцы.

Танки приближались. Они били с хода, но гвардейцы не дрогнули. Ранен командир подразделения гвардии капитан Плотников. Его место занял военком Москаленко. Гвардейцы молча подпускают врага ближе. Наводчики уверенно, без суеты устанавливают прицелы и ждут.

И вот мощный залп раскатами оглашает курганы. Когда рассеялся дым и улеглось пламя, гвардейцы насчитали 8 сожженных танков. Противник еще двигался. Второй, третий залп. 18 немецких танков и батальон пехоты были уничтожены.

На другом фланге с таким же успехом действовали подразделения под командованием гвардии капитана Безуглого и гвардии старшего лейтенанта Скворцова. Каждое из них удачными залпами сожгло по 8 танков. Остатки машин и потрепанной пехоты поспешно отступили.

В этом бою прославили себя гвардейцы: Гришин, Ачаров Субботин, Никитин, Трифонов, Малахов, Слесарев, четко работавшие на своих постах и обеспечившие успех операции. Гвардейцы показали себя достойными сынами защитников Царицына

Минометчики В. Максимов и И. Юшин ведут огонь с третьего этажа дома по вражескому блиндажу.

В. КОРОТЕЕВ

НОЧНОЙ БОЙ В СТАЛИНГРАДЕ

Обычно противник начинал свои атаки с утра, и все, от командира части до рядового бойца, настолько привыкли к этому, что, хотя и принимали на ночь меры предосторожности, все же были уверены, что немцы в ночное время не начнут активных операций.

Действительно, за все дни боев в районе Сталинграда еще не было случая, чтобы противник начинал атаку ночью. В ночные часы он только обстреливал наши позиции, под прикрытием темноты производил перегруппировку сил, подтягивал резервы, чтобы возобновить атаки рано утром или днем. И когда в час ночи на командный пункт полка поступило сообщение, что противник начал атаку, в штабе сначала отнеслись к этому с недоверием. Но через несколько минут началась сильная перестрелка сразу на нескольких улицах, послышались крики команд—русских и немецких,—и стало ясно, что немцы начали ночную атаку.

Противник наступал со стороны открытого оврага, идущего к Волге и являвшегося стыком двух наших подразделений, занимавших оборону по обе его стороны. С вечера под прикрытием темноты вражеские пехотинцы пробрались к оврагу через водосточную трубу у железной дороги. Как потом показали пленные, в течение трех часов на дне оврага происходило накапливание немецкой пехоты численностью до 300 человек. Наше боевое охранение находилось на краю оврага и не заметило этой концентрации сил противника. Охрана стыка оказалась, конечно, недостаточно бдительной.

Дождавшись полуночи, когда взошла луна, немцы осторожно пробрались дальше по дну оврага. Пройдя 200—300 метров, они, крадучись, без выстрела вышли на фланг наших подразделений и, соблюдая полное молчание, стали просачиваться через их боевые порядки. Противник открыл огонь из автоматов, тяжелых пулеметов и минометов только в тот момент, когда наше подразделение обнаружило немцев на своем фланге и стало стрелять по ним. В это же время две другие группы противника повели наступление: на левом фланге—силою до двух рот и с фронта—силою до батальона пехоты.

Используя внезапность флангового удара, противнику удалось потеснить наши подразделения и занять несколько улиц. Следует отметить, что собственно улиц в этой части города уже не было. Немцы наступали на северо-западной окраине Сталинграда, где раньше было несколько улиц, застроенных маленькими деревянными домами. Теперь это было сплошное пепелище. Деревянные домики исчезли, сожженные вражеской авиацией, сбросившей на этот квартал города сотни зажигательных и фугасных бомб. Лишь изредка торчали из пепла остовы кирпичных печей.

При лунном свете двигались немцы, ведя огонь на ходу. Еще днем, занимая курган на окраине города, они заранее определили складки местности и бугорки в районе пепелища. Это было заметно потому, что, захватывая небольшие холмики, они немедленно ставили пулеметы, обращенные на юг и на север.

К четырем часам ночи сложилась весьма опасная обстановка. Немцы проникли к устью крутого оврага и были уже недалеко от берега Волги. Нужно было действовать быстро и решительно, чтобы не позволить противнику закрепиться, бросить в образовавшийся прорыв свежие силы и распространиться вниз по берегу. Это грозило крайне серьезными осложнениями для наших подразделений, которые могли быть прижаты противником к берегу реки. Кроме того, такой прорыв поставил бы под удар соседей справа и слева.

Правильно оценив создавшуюся обстановку, командир гвардейской дивизии тов. Родимцев принял решение: немедленно, пока противник не успел еще закрепиться, атаковать его с тыла и с фланга. Для решения этой задачи были выделены две группы. Одна из них, северная, под командой гвардии капитана Цвигуна, в составе стрелкового батальона и взвода разведчиков, должна была перейти с северной стороны оврага на южную и ударить по немецкому батальону с тыла, т. е. с того участка, откуда немцы внезапно атаковали наше подразделение. Южной группе, состоящей из двух стрелковых рот и роты автоматчиков под общей командой гвардии майора Панихина, поручалось контратаковать противника на его правом фланге. Как показал ход действий, это было наиболее целесообразное решение.

Сосредоточение северной группы происходило на дне крутого оврага. Командирам обеих групп было придано по дивизиону артиллерии. Наблюдательные пункты артиллеристов находились в боевых порядках пехоты.

Без артиллерийской стрельбы обе группы одновременно начали контратаку, идя навстречу друг другу. Гвардейцы хорошо знали район боя и действовали смело, решительно. Автоматчики открыли по противнику убийственный огонь с фланга, их поддержали два подразделения, отошедшие к берегу. В тот же момент группа гвардии капитана Цвигуна ударила немцам в затылок, и вражеские батальоны попали под перекрестный огонь обеих групп. Гвардейцы сблизились с противником, и в ход пошли гранаты.

Ночная темнота заставляла вражеских солдат, теснимых с фланга и с тыла, жаться друг к другу. Наши бойцы забрасывали группы немцев гранатами, били по ним в упор из винтовок. Немцы ракетами вызвали на помощь свою артиллерию, расположенную на кургане, но она не могла точно определить цели и била по своим.

Полтора часа длилась контратака. К восходу солнца гвардейцы полностью восстановили утраченные позиции. Немцы спасались бегством, оставив более 100 трупов своих солдат

и офицеров. Гвардейцы захватили восемь пленных, четыре огнемета, четыре станковых и восемь ручных пулеметов, десятки ящиков ракет, снарядов и патронов.

Пленные солдаты 518-го пехотного полка (кстати сказать, частью это были саперы, недавно доставленные к Сталинграду на транспортных самолетах) показали, что их задача была ограничена. Они должны были прорвать нашу оборону, выйти к реке, занять оборону фронтом на север и фронтом на юг. В образовавшийся прорыв вошли бы тогда основные силы немцев, действующие на этом участке, чтобы во взаимодействии с полками, наступающими южнее города, прижать наши части к Волге и сбросить их с берега. Быстрый и смелый контрудар гвардейцев во фланг и в тыл сорвал ночную атаку врага, которая обошлась ему крайне дорого.

Чему учит этот ночной бой? Прежде всего тому, что ночью необходимо особенно пристальное наблюдение за врагом и на ночь надо выставлять усиленное боевое охранение. Немцы не сумели бы накопиться в овраге, если бы боевое охранение заметило их. Когда противник уже прорвался, надо бить с флангов, не давая ему закрепиться. Действовать ночью лучше мелкими группами (в составе отделения), ставя каждой из них конкретную задачу: занять дом и закрепиться, поддерживать своим огнем продвижение других групп и т. д. Наилучшая связь в этих условиях, как показал ночной бой у крутого оврага,— ракеты и голос.

Автоматчики подразделения гвардии старшего лейтенанта тов. Исакова ведут разведку боем.

Л. КУДРЕВАТЫХ

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ГВАРДЕЙЦЫ

В боях за Сталинград, пожалуй, как нигде, мы видим стойкость нашей армии, прошедшей суровую и жестокую школу войны. Здесь до крайности обострена ненависть к врагу. Пядь советской земли стала конкретной, ощутимой. Утром, когда со стороны заволжских степей поднимается багряный шар солнца, когда начинается новый день, битва, не утихавшая ночью, вдруг загремит и загрохочет с новой силой. Свист снарядов, визг пуль, грохот разрывов, глухие удары мин—все это смешивается в один постоянный гул; в этот час из города мчатся к Волге собаки. Они с ходу бросаются в реку и плывут на левый берег, подальше от этого ада.

В грохоте и пламени, в свинцовом ливне и буре металла геройски дерутся за Сталинград гвардейцы Родимцева. Каждый боец и командир покрыл себя неувядаемой славой.

Попасть в части Родимцева не так уж просто. Вы—груз, вместо вас за Волгу могут привезти 70—80 килограммов снарядов, гранат, пулеметных лент, мяса, хлеба. Все это там, в Сталинграде, очень необходимо, и все это можно доставлять только ночью. Вы должны знать, что в случае необходимости сами вплавь доберетесь до берега. Во всяком случае об этом вас предупреждают, усаживая в небольшую моторную лодку, которая в сгустившихся сумерках пересекает реку и идет по волжской глади туда, где не утихает бой.

На фоне зарева пожарищ стоят черные силуэты зданий. По всей линии горизонта—вспышки разрывов, яркий, ослепительный пламень ракет, полосами освещающих реку. Причудливым пунктиром бегут красные и зеленые огоньки трассирующих пуль, а там, сзади, откуда мы только-что отчалили, ухнули два крупнокалиберных снаряда.

— Не курить, разговаривать тихо —предупреждает моторист Нужлин.

Пересечена река, еще несколько минут моторка идет возле берега и легко поскрипывает о песчаный грунт.

— Добрались, — полушопотом говорит Нуждин, помогая выбраться на берег.—А я опять обратно... работы на сегодняшнюю ночь по горло.

Путаясь в проводах, огибая воронки, мы проходим по своеобразной улице, одной стороной для которой служит ночная Волга, а другой—вырытые в отвесном берегу землянки, блиндажи и всякие служебные помещения.

Все наши представления о характере командных пунктов и штабов никак не вяжутся с тем, что мы видим здесь. Расстояние между командным пунктом и передним краем колеблется от 50 до 300 метров. Командиры взвода, роты, батальона, полка, даже командир дивизии генерал Родимцев всегда тут же

рядом с бойцами, близко от рубежей, где идет бой за этажи и лестничные клетки, за овощехранилище и сарай—бой за город Сталинград.

Страна наша и народ наш знают имя Родимцева. Правительство не раз отмечало его подвиги высокими наградами вплоть до Золотой Звезды—звезды Героя Советского Союза. Гвардейцы Родимцева сражались на многих ответственных участках, соединение получило звание гвардейского и удостоено ордена Ленина. Гвардейцы не знали страха даже тогда, когда немецкий танк прорывался к командному пункту и проутюживал штабной блиндаж. Гвардейцы отбивали врага, со славой заканчивали бой. Бои в Сталинграде—это зенит славы гвардейцев Родимцева, гребень их боевых подвигов.

О силе ударов гвардейцев расскажут два примера. Первый: в одном дневном бою гвардейцы перебили около двух тысяч гитлеровцев, уничтожили 18 танков и 30 автомашин. Второй: на Н-скую часть немцы бросили две дивизии пехоты и 70 танков; они не прошли ни одного шага; немецкие трупы усеяли улицы и дворы города, а 42 танка из семидесяти были подбиты и сожжены.

На высоту, которую гвардейцы Родимцева взяли штурмом в первый же день появления в городе, немцы по десять—двенадцать раз в день ходили в атаку и, оставляя на склонах высоты сотни трупов, откатывались назад.

Один важный городской узел сопротивления подразделение гвардейцев взяло с хода. Немцы отрезали это подразделение, окружили его, и пятнадцать дней бойцы, лишенные связи с частью, удерживали здание, отбивали атаки врага.

Один из домов, отбитых у немцев, находился в центре квартала, захваченного врагом. Группа бойцов много дней удерживала этот дом. Немцы ходили на дом штурмом, старались сломить его гарнизон блокадой. С бойцами, оборонявшими дом, подразделение не имело связи двенадцать дней. На тринадцатые сутки два бойца прорвались сквозь кольцо немецких войск, пришли к своим, взяли патроны, продукты, махорку и ушли обратно.

Однажды на группу из семи бойцов наскочил взвод немецкой пехоты. Наши, застигнутые врасплох, немного отошли. К ним немедленно прибыл командир взвода.

— Вы гвардейцы?—спросил он.—Гвардейцы умирают, но не отступают...

И семь бойцов, искупая свою вину, отстаивая гвардейскую честь, ринулись в атаку на немецкий взвод и разгромили его. В бою один боец был убит, четверо ранено, но двое ворвались в прежние свои окопы и там закрепились.

Немцы и сейчас почти не прибегают к тактике ночных боев. Они боятся ночи. Но в Сталинграде, стараясь любой ценой сломить железную стойкость обороняющих город, немцы

иногда шли и на ночные атаки. На одну такую атаку они возлагали большие надежды и бросили в бой против гвардейцев более трехсот солдат. Врагу удалось было прорваться к важному рубежу. Создалась серьезная угроза для линии обороны части. Но гвардейцы не дали закрепиться врагу и ударили по немецкой группировке с обоих флангов. Оставив на поле боя более сотни трупов, минометы, пулеметы и автоматы, немцы откатились назад, а гвардейцы восстановили свои прежние позиции, прихватив немного и те, что ранее занимали немцы.

Юлий ЧЕПУРИН

ДОМ ПАВЛОВА

Свыше тридцати дней группа гвардейцев из дивизии Героя Советского Союза Родимцева, под командованием гвардии сержанта Павлова, обороняла один из домов, имеющих важное значение в защите Сталинграда. В части этот дом называли домом Павлова. Он—не случайный эпизод в борьбе гвардейцев. Наоборот, здесь ничего нет от случая. Здесь замысел командира замечательно сочетается с образцовым его выполнением.

Дом Павлова—это символ героической борьбы всех защитников Сталинграда. Он войдет в историю обороны славного города, как памятник воинского умения и доблести гвардейцев.

(Из газет)

— В этом доме—немцы. В этом—немцы и наши. В этом... Майор, кто в этом доме?

— Четыре часа назад к нему подходили шесть танков противника. Больше ничего неизвестно...

— Выяснить. Немедленно. Самых боевых разведчиков послать.

Дом, стоящий несколько на отшибе от группы зданий, за которые велись бои, играл решающую роль в обороне всего участка. Зацепиться за дом, превратить его в опорный пункт—значит держать под контролем городскую площадь, все соседние дома, захваченные гитлеровцами, сковать противника, лишить его возможности открыто подвозить боеприпасы, производить оборонительные работы.

Разведать дом было приказано четырем гвардейцам: сержанту Якову Павлову, красноармейцам Александрову, Шиповалову, Черноголову.

* * *

Ночь. Город в огне...

— Передохнем,—тяжело дыша, сказал Павлов.

— В который нам дом-то?—шопотом спросил Черноголов.— Не в тот ли?..

— Туда...

— Шагов девяносто, поди, до него?

Когда стрельба немного утихла, Павлов сказал:

— Если на фрицев в доме нарвемся—маму на помощь не призывать.

И он пополз первым...

До дома оставалось не больше пятнадцати метров, когда над головами разведчиков с шипением пролетела осветительная ракета. Затем один за другим раздались три взрыва. С новой силой затарахтели пулеметы.

— Заметили...—догадался Павлов, но не остановился, пополз дальше.

В доме, который был теперь совсем рядом, раздались ружейные выстрелы. Пули просвистели настолько близко, что Павлов невольно пригнул голову к земле.

— Товарищ сержант, в доме-то, кажись, немцы...—прошептал Черноголов.

— За мной!—приказал Павлов. Он вскочил и, пригнувшись, исчез в подъезде. Черноголов бросился за командиром. За ним вбежали Александров и Шиповалов.

В вестибюле было темно. Ожидая нападения, разведчики прижались к стенам.

Тишина. Только слышно, как свистят сквозняки да шелестит разносимая ветром бумага.

Павлов зажег спичку и быстро потушил ее. Так было уговорено. Никого. От этого еще сильнее забились сердца. „Значит ловушка,—подумал Черноголов и тяжело передохнул. Сержант шагнул к двери, ведущей в коридор, и внезапно остановился. Где-то, совсем близко, отчетливо раздался стон. Павлов подался назад и замахнулся гранатой.

— Кто здесь?

— Наши... Свои мы, товарищи!..

Человек не то плакал, не то смеялся.

— Кто такой?

— Санинструктор же я... Калинин же я... раненые со мной...

Зарево пожара ворвалось в квадраты выбитых окон. На полу лежали раненые бойцы.

— Закурим,—осмелев, предложил Черноголов.—Вот ить как бывает, гром тебя бей... Дружков повстречали...

Голос Калинина прерывался:

— С утра в этом доме. Воды нет, а раненые пить просят, и бросить их не могу...

— А из винтовки кто стрелял?—спросил Павлов.

— Я. Последние патроны выпустил. Немцы три раза подходили. Разминируют подходы сволочи. Я и на вас подумал— немцы.

Застрочил пулемет, звякнули осколки стекла. Калинин схватил сержанта за руку.

— Немцы! Опять!..

— Александров и Шиповалов—к подъезду! Черноголов—на второй этаж. Наблюдай за площадью... Калинин, лети в штаб... любой ценой прорвись. Скажи: дом заняли, за подмогой, мол, пришел... За раненых не бойся. Мы тут как-нибудь.

Гулко прогремели два выстрела. Это стреляли Александров и Шиповалов. Павлов вбежал на второй этаж. Подскочив к окну, заглянул вниз—к дому ползли немецкие солдаты.

* * *

В штабе напряженно ждали.

Прошло десять, тридцать минут, час, а разведчики не возвращались.

— Жаль. Хорошие были ребята,—тихо сказал начальник разведки.

— За каждого человека взыщу... Да, да, с вас... Напутали! Людей не бережете...—сказал полковник.

В эту минуту в блиндаж вошел Калинин.

— Товарищ гвардии полковник, сержант Павлов приказал передать...

В блиндаже стало тихо.

— Я не знаю, сколько сможет держаться Павлов,—сказал полковник, выслушав санинструктора, но подкрепление должно быть на месте через двадцать минут. Не позже. Подходить к дому тремя группами с двух сторон.

Начштаба едва поспевал записывать: „Первыми к дому подходят пулеметчики, связисты и саперы. Их движение прикрывают минометы. Массированный беглый огонь по южной площадке, перед домом. Достигнув рубежа, часть пулеметов ведет огонь по противнику, другая обеспечивает подход минометчиков"...

— А людей беречь надо...—неожиданно громко повторил полковник, поднимаясь из-за стола.—Да, да, надо беречь!

* * *

Патроны в дисках автомата Павлова кончились. Внизу замолчали винтовки Александрова и Шиповалова. Взорвались две гранаты. „Теперь у них осталось по две „лимонки". Четыре— у меня. Неужели Калинину не удалось?.."

Брошены последние гранаты.

К подъезду дома бежал гитлеровец.

В нескольких шагах от дома упала и разорвалась мина. Еще, еще, еще... Кто-то бежал по коридору:

— Се-ержа-ант! Товарищ гвардии-и!.. На-аши!..—кричал Черноголов.—Сюда, ребятушки. Отсюда их, сволочей...

Пулеметчики пристраивали „Максим".

* * *

Хмурое утро вставало над сожженным городом. В блиндаже было сыро. Полковник прошел в „свою половину", отгороженную досками, и завел патефон.

Спят курганы темные, солнцем опаленные...

Пластинка была заигранная.

— Грустит полковник...—сказал дежурный телефонист часовому, стоящему у входа в блиндаж.—Местный он, сталинградский. Жена у него тут недавно жила, дочка...

— Да-а...—неопределенно протянул часовой.

Полковник в сотый раз склонился над потрепанной картой, исчерченной красным и синим карандашом.

Вошел адьютант.

— Товарищ полковник, связной от Павлова.

— Давайте.

Вошел боец.

— Откуда?

— Из дома Павлова.

— Не слыхал я такого дома, хотя и сталинградский,—улыбнулся полковник,—кто же его так назвал?

— Да мы. Павлов занял дом, держит его, нехай и живет. А после войны разберемся...

— Ну, ладно, давай пакет.

— Молодцы! Правильно!—то и дело восклицал полковник, читая донесение Павлова.—А еще что скажешь?

— Да вот...—связной замялся,—ребята... по сто грамм просили... С устатку требуется... всю ночь работали...

— Законное,—засмеялся полковник. Пришлю, все пришлю. Так и передай.

* * *

Так вошел в жизнь гвардейцев Родимцева дом Павлова.

Все пути к нашему переднему краю обороны лежат через дом Павлова. Разведчики, получая задание, ориентируют маршрут по дому Павлова. Командир, сообщая обстановку, пишет: „Северо-западнее дома Павлова", или „Двести метров левее дома Павлова". На карте у полковника нет больше заштрихованного четырехугольника—есть четко обозначенный „Дом Павлова".

Много дней отражал атаки врага героический гарнизон.

Наконец, наступило памятное 13 октября.

На рассвете немцы начали артиллерийский обстрел дома.

Появились первые раненые.

В 8.00 гитлеровцы начали штурм. С площади шла пехота. Правее, из-за группы зданий, пробирались танки. Фашистские самолеты бомбили единственный подход к дому, через который Павлов мог получить помощь. Телефонная связь оборвалась.

Павлов понял, что если он немедленно не изменит расположение огневых точек, рассчитанных на оборону дома с двух сторон,—противник захватит здание.

* * *

В штабе полка все были на ногах.

Нужно не только отстоять дом. Надо воспользоваться скоплением противника и нанести ему удар.

Каждое слово полковника было взвешенным и продуманным.

— Первому батальону создать видимость наступления—это отвлечет силы противника от дома. Саперной группе организовать взрыв вот этого здания. Взрыв вызовет замешательство врага. Группе автоматчиков просочиться в тыл немецкой пехоты и погнать ее на дом, на пулеметы Павлова. Противотанковой батарее—огонь по танкам.

* * *

Павлов появлялся то у минометов, то спешил к пулеметчикам.

— Огня, ребятки! Огонька побольше, чтобы фрицы не забыли „чья эта улица, чей это дом".

Бой шел трое суток подряд.

Вечером 15 октября все стихло. Павлов спустился в подвал дома, в свой штаб, залпом выпил три кружки воды и взял трубку телефона:

— Товарищ гвардии полковник... Люди на местах... Посты выставлены... Остальные отдыхают...

Уронил голову на стол, заснул.

* * *

Почти в самом центре города стоит полуразрушенный дом. Свыше тридцати дней без сна, без отдыха в нем защищают Сталинград русские люди—Павлов, Александров, Афанасьев, украинцы Сабгайда, Глущенко, грузины Мосияшвили, Степаношвили, узбек Тургунов, казах Мурзаев, абхазец Сукба, таджик Турдыев, татарин Ромазанов и десятки их боевых друзей.

Это—дом Павлова.

Это—героический Сталинград.

З. КАЦ. М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

КЛЯТВА РОДИНЕ

Гвардейцам части Родимцева посвящается

Сто дорог мы от Волги прошли,
Сто смертей мы в боях миновали.
Горсти нашей родимой земли
На прощанье не раз целовали.

Пыль дорог отступленья горька...
На земле, поседевшей от пепла,
Под холодным мерцаньем штыка
Наше мужество зрело и крепло.

Сталинград! По проспектам твоим
Нас ведут фронтовые дороги,
Точно крепость одетая в дым,
Громоздятся развалин отроги.

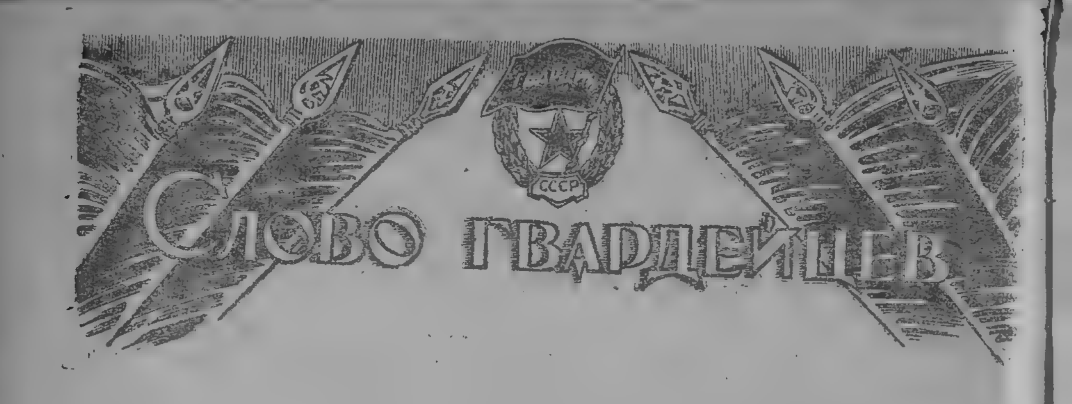
Сталинград! Между ночью и днем
Мы давно потеряли границу:
Ночь твоя полыхает огнем,
День твой гарью и пеплом дымится.

Сталинград! Наша доблесть и честь,
И бессонница наша и вера.
Если мера для стойкости есть—
Отстоять Сталинград!—Это мера.

Пусть не все мы пройдем сквозь бои,
Сквозь пылающие перекрестки...
Город-воин! Руины твои,
Даже камни, не будут нам жестки!

Только б городу Сталина жить!
И не надо нам лучшего дара,
Чем немецкою кровью тушить
И обиду сердец и пожары.

Тут предел. И ни шагу назад.
Здесь рубеж между смертью и жизнью.
Даже имя твое—Сталинград!—
Это клятва Вождю и Отчизне.

НАПРЯЖЕМ НАШИ СИЛЫ, ОТБРОСИМ ВРАГА ОТ ВОЛГИ, ОТСТОИМ СТАЛИНГРАД!

Письмо бойцов и командиров 13-й Гвардейской стрелковой дивизии ко всем бойцам и командирам Сталинградского фронта

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ!

Несколько дней назад мы решили обратиться к вам, защитники Сталинграда, с письмом, чтобы рассказать о своей борьбе с ненавистными немецкими оккупантами. Когда было написано это письмо, мы получили обращение к защитникам Сталинграда славных ветеранов гражданской войны, участников героической обороны Царицына. С волнением и трепетом слушали мы призыв поседевших бойцов. Каждый из нас в эти минуты думал об одном: от нас и только от нас зависит исход борьбы за любимый город Сталина. Каждый из нас еще и еще раз проникся сознанием того, как велика ответственность, возложенная на нас народом, страной.

Сегодня мы обращаемся к вам с этим письмом.

Дорогие друзья!

Родина приказала нам отстоять Сталинград. Наши отцы и матери, жены и дети работают, не покладая рук, день и ночь производят для нас оружие и танки, самолеты и пушки, снаряды и патроны. Они надеются на нас. Они призывают жестоко и беспощадно мстить врагу за потоптанную русскую землю, за разрушенные и сожженные города и села, за убийство русских людей. Они призывают нас, не взирая на жертвы и лишения, сражаться так, как сражались герои царицынской эпопеи в годы гражданской войны. Это они, ветераны героической обороны Царицына, пишут нам:

—Не сдавайте врагу наш любимый город! Любой ценой защитите город Сталина. Бейтесь так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, гремела в веках.

Здесь, на защите Сталинграда, нам приходилось отражать по 12 и больше вражеских атак в день. Гвардейцы упорно отстаивают свои позиции. Больше того, выбрав удобный момент, мы переходим в контратаки на врага, нанося ему невосполнимые потери. Только за один день боев за город мы истребили 2000 гитлеровцев, 18 танков, 30 автомашин. В другой день уничтожили 42 вражеских танка, много живой силы противника.

Десятки вражеских танков превращены в груды лома нашими артиллеристами, бронебойщиками и гранатометчиками.

Не одна тысяча фашистских трупов гниет в приволжских степях от метких пуль наших пулеметчиков, автоматчиков и стрелков.

Но враг, не считаясь с потерями, лезет вперед, очертя голову. Опасность для города велика. Нужны троекратные стойкость, упорство, мужество и отвага от каждого воина для того, чтобы победить.

Отвечая на призыв царицынцев, мы хотим напомнить вам, наши боевые соратники: приближается 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Не омрачим этого великого праздника, не отступим ни на шаг. Умрем, но отстоим Сталинград! С железным упорством и большевистской настойчивостью будем овладевать техникой, которой обеспечивает нас родина, будем бить ею врага беспощадно, до полного уничтожения.

К этому мы призываем вас, братья по оружию.

Помните, дорогие друзья, что счастья не будет на земле, пока по ней ходят коричневые чудовища!

На защиту Сталинграда!

На защиту Родины!

Смерть немецким оккупантам!

По поручению бойцов, командиров и политработников дивизии: РОДИМЦЕВ, Герой Советского Союза Гвардии старший лейтенант БЫКОВ, Гвардии старший батальонный комиссар, орденоносец ВАВИЛОВ, Гвардии старший батальонный комиссар орденоносец МАРЧЕНКО, Гвардии заместитель политрука орденоносец ПОПОВ-ПЕЧЕР, Гвардии майор дважды орденоносец ХАРИТОНОВ, Гвардии красноармеец СТЕПАНЕНКО, Гвардии сержант БОНДАРЕНКО и другие.

Гвардии генерал-майор А. РОДИМЦЕВ
Герой Советского Союза

ГВАРДЕЙЦЫ В БОРЬБЕ ЗА СТАЛИНГРАД

В ряды защитников Сталинграда наши гвардейцы встали, имея богатый опыт борьбы с немецкими оккупантами.

Бои под Киевом, Остром, Тимом, Харьковом были для нас суровой школой. В этих боях и бойцы и командиры-гвардейцы научились изматывать и обескровливать врага, научились стоять даже перед численно превосходящими силами немцев. Но бои, которые мы ведем на улицах Сталинграда, не имеют себе равных. Здесь гвардейцы показывают особенно высокую стойкость, стойкость сталинградскую.

В течение нескольких недель фашисты пытаются сбросить нас в Волгу. Они предпринимают одну атаку за другой. Результат этих атак один: гвардейцы бьют врага, гвардейцы стоят на своих рубежах.

Не достигнув нужных успехов на нашем участке, немцы устремились на соседей, и там были встречены по-сталинградски: огнем и сталью.

Волга осталась непокоренной. Ночами на паромах, на катерах, на простых весельных лодках защитникам Сталинграда доставляется все необходимое для разгрома врага. Люди под огнем пересекают Волгу. В великом сражении за Родину во всей широте раскрываются прекрасные качества красных воинов.

Однажды фашисты штурмовали дом, который вместе с другими гвардейцами оборонял пулеметчик Николай Родичев. В самый разгар боя рядом с пулеметом разорвалась вражеская мина. Осколками ранило Родичева, вывело из строя весь расчет его пулемета. Родичев, как истинный русский солдат-патриот, нечеловеческими усилиями переборол слабость, вызванную ранением, снова взялся за ручки пулемета и продолжал расстреливать наседающего врага. Немцы вызвали на пулемет огонь своей артиллерии. Вражеский снаряд разбил пулемет и вторично ранил Родичева. Фашисты с криком: „Русс, сдавайся“ подошли вплотную к стенам дома. Герой-гвардеец, превозмогая боль, подполз к окну и забросал фашистов гранатами. Гитлеровцы отхлынули.

Гвардия воплощает в себе лучшие традиции русских воинов. У гвардейцев один девиз: „Победа или смерть“.

Здание, которое удерживали наши гвардейцы, атаковали 12 немецких танков. Среди бойцов возникло короткое замешательство, но вдруг раздался голос командира: „Стоять на месте!“.

Танки начали бить прямой наводкой, разрушили и подожгли здание. Гвардейцы выскочили из дома лишь после того, как обрушилась последняя стена. Отходить назад? Но на это нет приказа.

И тогда бойцы, возглавляемые заместителем командира по политической части Радьковым и младшим командиром Аникиным, расчищая путь гранатами, бросились вперед, ворвались в соседний дом, захваченный гитлеровцами, подавили находящуюся в нем огневую точку и заняли здание. Вот это и есть сталинградская стойкость, которую не могут сломить и не сломят фашисты. Гвардейцы не только защищают дом, улицу, каждый метр земли, но и при всяком удобном моменте переходят в контратаки, нанося врагу сокрушительные удары, улучшая свои позиции.

На улицах Сталинграда огнем пехоты, артиллерии, минометов, а также в рукопашных схватках нами уничтожено 6190 солдат и офицеров, 77 танков, 7 бронемашин, 10 автомашин, 32 миномета, 57 ручных и станковых пулеметов, 14 орудий. В условиях уличного боя активно действуют наши снайперы. Они за короткое время уничтожили 400 немецких солдат и офицеров.

25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции мы встретили полные уверенности в нашей победе. Какие бы суровые испытания ни ожидали нас впереди, мы бодро смотрим в будущее и говорим: в городе Сталина никогда не жить фашистам.

Гитлера и его кровавую клику ничто не спасет от полного разгрома. Фашисты кричат, что Сталинград окружен мощной оборонительной стеной. Никаких мощных и сверхмощных укреплений в Сталинграде нет и не было. Сталинград был защищен самым прочным оборонительным сооружением, название которому—стойкость советских людей.

М. ВАВИЛОВ
заместитель командира дивизии по политчасти

КОММУНИСТЫ В ПЕРВЫХ РЯДАХ

Характер уличных боев требует от наших политработников и партийных организаций исключительной мобильности, умения работать с каждым в отдельности бойцом.

Исключительное упорство, которое проявляют бойцы и командиры в боях за Сталинград,— результат большой и кропотливой деятельности наших политработников, партийных и комсомольских организаций.

В трудных условиях борьбы за Сталинград наши партийные организации живут полнокровной жизнью. Не прошло и суток после переправы дивизии через Волгу, как в одном из подвалов разрушенных зданий уже заседала дивизионная партийная

комиссия. Рассматривались заявления бойцов и командиров о приеме в ряды большевистской партии. С тех пор заседания дивизионной парткомиссии и заседания партбюро в полках проходят регулярно. Заявления о приеме в партию рассматриваются чаще всего в нескольких сотнях метров от противника. Здесь же мы вручаем молодым коммунистам партийные документы.

В суровой обстановке боев низовые парторганизации, парторги, агитаторы и все коммунисты держат серьезный экзамен на политическую зрелость. Вот один из обыденных примеров. Во время боя по очищению улицы немцы открыли сильный минометный огонь по нашим наступающим боевым порядкам. Один из взводов залег. Там было много молодых необстрелянных бойцов. Отставание одного взвода могло сорвать боевую задачу роты, кроме того, взвод мог зря потерять много людей. И тогда коммунисту Шевченко дается боевое задание—добраться к отставшему взводу и разъяснить бойцам, что нет ничего опаснее, как лежать, не двигаясь, под минометным огнем, что лучший способ выйти из-под огня—сделать бросок вперед. Шевченко кратко разъяснил бойцам обстановку и передал приказ командира. Взвод ринулся вперед, занял более выгодную позицию и вышел из-под воздействия вражеских минометов.

Мы воспитываем коммунистов в понимании того, что большевик должен быть всегда на самом ответственном участке, на самом опасном месте. Одна из наших рот, где парторгом тов. Сторлов, несколько раз поднималась в атаку и каждый раз вынуждена была возвращаться на исходные позиции. Немецкие пулеметы поливали свинцовым дождем улицы, мешая роте продвигаться. Коммунистам Дрогину, Проскурину и Суркову дается боевое задание—уничтожить огневые точки врага.

Трое коммунистов двинулись вперед. Умело маскируясь, они подползли к немцам и забросали их гранатами. В короткой, но упорной схватке Дрогин, Проскурин и Сурков уничтожили 13 фашистов, захватили 2 пулемета и несколько автоматов. Путь наступающей роте был расчищен. Во время боя Дрогин и Сурков получили тяжелые ранения, но свой партийный долг они выполнили до конца.

В боях за Сталинград коммунисты-гвардейцы проявляют чудеса храбрости и воинской доблести. Своими боевыми делами они завоевали себе огромный авторитет в массах. Еще больше окрепли связи коммунистов с беспартийными бойцами. Был случай, когда одна наша рота попала в очень тяжелое положение. Командир роты и заместитель его по политической части выбыли из строя. Тогда парторг Павлюченко, коммунисты Харькавый и Иваньков сплотили вокруг себя бойцов, вдохновили их пламенным большевистским словом. И рота сражалась с невиданной стойкостью, пробилась на соединение с батальоном.

Много и упорно работают наши агитаторы. Чутко прислушивались наши бойцы к беседам агитатора-красноармейца Мельникова, который на-днях пал смертью героя. Мельников знал свою аудиторию, умел во всякой обстановке найти слова, которые волнуют правдой и находят глубокий отклик в душе каждого бойца.

... Лодка мягко стукнулась о берег и остановилась. Один за другим соскакивают бойцы и скрываются за обломками огромного причала. Взвод дожидается подхода других подразделений. Агитатор Мельников решил воспользоваться этим. В завязавшейся беседе он рассказал красноармейцам, какая великая честь выпала на долю каждого, кто пришел драться за славный город на Волге.

— Знаете ли вы, в каком месте находимся мы сейчас с вами?—говорил Мельников. У наших ног Волга, великая русская река, которую русский народ веками называет матушкой. Отдать Волгу немцам—это значит допустить врага к самому сердцу нашей родины. Вот эти камни на мостовой, дома, улицы—все освящено кровью наших лучших людей. По этим набережным в 1918 году ходил Сталин, организовывал отправку хлеба для Москвы и Петрограда, создавал отряды и полки для обороны красного Царицына. Неужели мы допустим сюда фашистскую сволочь?

Красноармейцы внимательно слушали агитатора, а он продолжал свой рассказ о боевых традициях Сталинграда. И всем еще более близок стал этот славный город на Волге—город Сталина, его широкие набережные, огромные, заводы, героические люди Сталинграда. И когда пришло время подняться на штурм вражеских позиций, все стремились к одному—во что бы то ни стало отстоять великий город. В жестокой схватке батальон отбил несколько улиц, ранее занятых врагом.

Не одну тысячу гитлеровцев истребила наша дивизия на улицах Сталинграда. В ожесточенной схватке на Волге гвардейцы бьют врага всей силой своего оружия, всей силой ненависти к гитлеровским бандитам. И в первых рядах защитников героического города неизменно идут коммунисты, верные сыны партии Ленина—Сталина.

Гвардии батальонный комиссар Г. ОРДЕЛОВ

ДОЛГ БОЛЬШЕВИКА

В жестоких боях за Сталинград коммунисты-гвардейцы на деле показывают высокое сознание своего большевистского долга.

В бою из строя выбыл командир подразделения. Гвардии заместитель политрука коммунист Петр Кобзев принял коман-

дование на себя. Подразделение продолжало сражаться, и гвардейцы, воодушевленные примером Петра Кобзева, в этот день истребили свыше 20 гитлеровцев, уничтожили две огневых точки врага.

Гитлеровцы укрепились в одном доме. Выбить их оттуда можно было, только окружив и атаковав здание. Группу бойцов, которая должна была выполнить эту задачу, возглавил командир отделения коммунист тов. Котляр. Гвардейцы подползли к дому, окружили его, забросали гранатами, ворвались в помещение и в жестокой рукопашной схватке перебили всех немцев. Тов. Котляр дрался с беззаветной храбростью. Он был ранен. Когда врач сделал ему перевязку и предложил уйти в тыл, тов. Котляр ответил: „Я коммунист и мой долг биться до последней капли крови. С поля боя я не уйду!"

По нашему подразделению фашисты вели из дзота сильный огонь. Презирая смерть, гвардии младший политрук Тимофеев с небольшой группой бойцов ринулся на штурм дзота. Уничтожив пять гитлеровцев, тов. Тимофеев захватил дзот и укрепился в нем.

Личный пример коммунистов, их героизм в боях за Родину вызывают у беспартийных гвардейцев желание навсегда связать свою жизнь с партией Ленина—Сталина.

В бою погиб комсомолец гвардии красноармеец Крахмаль. Когда военкому части доставили его документы, в комсомольском билете оказалось сложенное вчетверо и пробитое вражеской пулей заявление: „Прошу принять меня в кандидаты ВКП(б). Я..."

Тов. Крахмаль не успел дописать свое заявление и ушел в атаку на врага. Он умер большевиком.

Коммунисты-гвардейцы бережно хранят и умножают великие традиции большевиков-героев царицынской обороны. Они полны решимости до конца выполнять свой священный долг.

Гвардии батальонный комиссар Леонид КОРИНЬ

ИЗ ФРОНТОВЫХ ЗАПИСОК

Идет напряженная артиллерийская и минометная дуэль. Обе стороны бьют по пристрелянным целям. Стоит только наблюдателям донести о малейшем скоплении и мигом земля содрогнется от взрывов.

...В узком „коридоре" пристроились рации. Их здесь несколько—связь со штадивом, с артиллерийскими и минометными частями. Мерно постукивает морзист и время от времени слышны голоса радистов: „Сачок, сачок. Я—курган, прием"... „44 Ш-А, я—22 А—Б, я—22 А—Б. Дайте квитанцию, дайте квитанцию..."

„Тигр, я—волк. Как слышите? Как слышите? Я—волк—прием". „Буря я—дождь. Даю настройку: раз, два, три, четыре, пять..."

„Буря" почему-то молчит и „дождь" обрушивается... „Буря, я—дождь, буря, я—дождь. Почему не отвечаете? Даю настройку..."

Вечер. На лицах у всех усталость, но люди не спешат уснуть. Они расположены шутить, петь, вспоминать. Кокушкин, пристроившись на узкой доске, тихо заводит:

Энный наш гвардейский полк
Теперь—моя семья.
Привет тебе ребята шлют,
Любимая моя...

Мы подхватываем, и по подземелью плавно течет песня...

Суровое время. Но люди в эти минуты стараются не думать о нем, отвлекают свое внимание от всего окружающего. У каждого рождаются воспоминания, мечты, надежды... Песня захватывает всех, она чередуется с остротами, замечаниями, шутками.

— А нашему майору, видно, слон на ухо наступил,—шутит кто-то по адресу начальника артиллерии Сучкова.

— Это он поет одной батареей,—добавляет другой.

— Вот был у нас Ванька Фурсов.—Тот уж пел...—вспоминает Кокушкин и сладко задумывается... А Бутусов Александр Иванович... Они всегда на-пару. Сядут, бывало, Бутусов обязательно на полу, и тихо заведут:

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной...

Все постепенно включаются, и снова звенит песня...

— Как вам нравится аккомпанемент Смирнова?—спрашивает военврач, и мы оборачиваемся. За столиком, рядом с телефонистом, сидит пом. нач. штаба Смирнов. Голова его откинута. Человек устал. Он тяжело дышит и во весь голос храпит. Кто-то толкает его. Смирнов вскакивает, быстро протирает глаза, и, как ни в чем не бывало, спрашивает:

— Шарудило? Оперсводку отправили?

Штабной писарь Шарудило, или, как шутя называют его, „гвардии Шарудило", едва сдерживая смех, отвечает:

— Уже час, как отправили, гвардии капитан...—Все хохочут.

Смирнов встает и, лениво потягиваясь, с чувством говорит:

— Эх, вздремнуть бы минуток 200...

* * *

Несколько правее железнодорожного полотна круто вверх идет дорожка. Она обрывается у самого склона горы, у порога миниатюрной „землянки". Немного выше—огневые позиции минометчиков. Сюда пришли мы на заседание партийного бюро.

Ответственный секретарь Капралов пристроился на обломках ящика, заполняет анкету.

— Фамилия?

— Денисов.

— Имя, отчество?

— Павел Михайлович.

— Год рождения?

— 1917...

Перед нами сидит молодой воин, сильный, широкоплечий. На обветренном и запыленном лице его лежит усталость, но он улыбается и поминутно протирает глаза.

— Слегка присыпало,—говорит он,—фриц бесится после наших залпов. Но ничего, наши минометы хорошо укрыты...

Денисов немного поворачивается и смотрит вверх. Там, метрах в ста, стоят его минометы.

...С ревом ползут немецкие танки, а за ними украдкой движется пехота. Командир минометного взвода Денисов спокойно наблюдает. Он не спешит и делает вид, что не замечает волнения бойцов. Он напряженно следит и делает в уме подсчеты.

— По первому, левее 020,—произносит он, наконец. И сразу же летит мина. Она, как бы нарочно, не трогает танк, ложится сзади. Вражеская пехота рассыпается, кое-кто падает... Летит вторая мина, третья. Немцы вынуждены были удирать от своих же танков. Минометчики отсекают пехоту, а в это время по танкам бьют бронебойки. Два танка загораются, четыре поворачивают вспять.

Более десяти раз немцы за броней своих танков пытаются пролезть в нашу оборону и более десяти раз минометчики Денисова отбрасывают врага.

... — Есть предложение принять тов. Денисова в кандидаты партии, как отличившегося в боях за Сталинград...

Мы молча подтверждаем и горячо жмем его руку.

— Оправдаю доверие партии,—говорит он несколько смущенно и покидает землянку. Через минуту-другую снова слышен его четкий голос.

— По первому, правее 040...

Таковы люди—простые и скромные в обыденной обстановке, суровые и беспощадные в бою. Они связывают свою жизнь с партией Ленина—Сталина и в дни, когда решается судьба родины, идут в ее ряды.

* * *

...Боевые будни, о которых в сводках обычно говорят: „ничего существенного“...

Действительно, в эти дни не было шквальных налетов вражеских хищников с воздуха, не было визга, непрестанных атак. Отдельные бои, попытки разведкой установить боевые средства, артиллерийская канонада, от которой землянка дрожит,— все это будни, обычные, „незначительные“.

Противник трижды хотел боем разведать наши силы. Обрушивая огонь своих дальнобойных орудий, минометов, он двигал под их прикрытием пехоту. Завязывались короткие бои и снова все успокаивалось, снова сходились люди в уют темного „коридора“ и обменивались на ходу некоторыми впечатлениями, отдавались мыслям, заводили песни под тихий аккомпанемент семиструнки. И в этой задушевной песне, в этом, казалось бы внешне легкомысленном шуме, сказывалась вся внутренняя сила русского человека, познавшего трудности войны, привыкшего к ним и умеющего одинаково—быть серьезным и по-детски шаловливым. Вот сидит юноша—стройный, краснолицый. Он беззаботно водит рукой по гитаре и напевает. Подходит командир.

— Товарищ... Вы пойдете сейчас в третий и проверите противотанковую оборону у мельницы.

— Есть,—отвечает юноша. Он кладет гитару и поспешно надевает шинель. Ночь скрывает юношу. И только легкое шуршанье под ногами временами выдает его. Он идет по обочинам и развалинам, прижимается к земле и сырому камню при вспышках ракет, замирает при звуках автоматной очереди. Потом он идет дальше, вперед, к месту, где сидят усталые пулеметчики, стрелки. Вот они, герои-гвардейцы, защитники истерзанного, израненного города. Для них-то нет „ничего существенного“..., они не знают затишья и перерывов. Они всегда чувствуют дыхание войны, они всегда воюют.

„Если я сегодня не уничтожил фрица—пропащий день“,—вот слова, которые служат им девизом. И бойцы ищут, следят, охотятся, делают все для того, чтобы днем и ночью, и в бою и в „затишьи“ уничтожать немца.

В эти дни с особой силой растет снайперское движение.

Отличных результатов достиг снайпер Мартьянов. Вот сидит он на завалинке у разбитой стены, напряженно следя из маленькой амбразуры среди уцелевших кирпичей. Время от времени он отворачивает голову и опускает глаза. Они устают. Но это длится недолго, и через секунду-другую перед ним снова маленькая черточка прицела.

Метрах в 400 появился немецкий солдат. Он держит в руке ведро и спешит через улицу. Снайпер мгновенно нажимает курок. Солдат падает.

— Минут через 20 гляжу,—рассказывает Мартьянов,—выходит какой-то важный фриц, разодетый, в фуражке, в ремнях, видать, офицер. Мне хорошо его видно—расстояние всего метров 200, а он, как ни в чем не бывало, стоит, взявшись за бока и выпучив глаза на нашу сторону.

„Бей, бей скорее же“—шепчет мне рядом лежащий боец, но я не спешу. Пусть, думаю, фриц в последний раз, так и не добравшись до Волги, посмотрит на нее издалека. Тут он повернулся ко мне, и я нажал курок. Наповал. Могу ручаться, что попал ему прямо в лоб...

В этот день у меня все „встречи“ с фрицами какие-то чудные, честное слово...

Смотрю два солдата бросились к убитому офицеру. Мне не трудно сразу же уложить одного из них, но второй может удрать или скрыться за стеной... Решил я поглядеть, что дальше будет. Вот они оба с опаской подошли к убитому и подняли его. Тут как нарочно они на какую-то долю минуты оба попали мне в створ; ну... понимаете—оба на мушку, вот так... Одним словом—одной моей пули хватило на 2 поганых фрицев... А потом долго не было никого и я пересел к другой стенке.

— Вы были на мельнице? Да? Ну, тогда вы видели обрубок трубы... Вот, вот, тот самый... Это моя вторая „квартира“.

Дружок мой Форманов еще раньше торопил меня, говорит, какие-то ящики появились. Стал я наблюдать. И вправду. Два солдата ящики складывают. Я в бинокль—ящики с боеприпасами. Ну, думаю, прямо клад... Снайперу выдержка нужна, надо знать, когда спешить, а когда, может, и не спешить. Это я к тому говорю, что и тут меня дружок торопил, а чего торопиться было—пусть побольше ящиков наложат. Тем временем я выбрал бронебойно-зажигательных и приготовился. Помните, заборчик справа, у развалины? Вот в его высоту они ящиков наложили, и тогда послал туда две пули. Не успел и подумать (а я боялся, что ничего не выйдет), раздался взрыв, другой и все полетело вверх дном. Кругом дым, огонь—ничего не видать. Через некоторое время наблюдатель сверху кричит: „Три дома горят“. Вот, думаю, делов наделал, аж самому страшно. Скоро к вечеру пошло и я оставил позицию—ведь я разведчик, и мне нужно было одно дельце провернуть...

Таков Мартьянов. На его счету уже 26 уничтоженных фрицев.

В районе нашей обороны стоит танк „КВ“. Он подбит, лишен хода, но превращен в огневую точку. Периодически ведется огонь. Но вот, ранен последний танкист экипажа, и в танке остается наш рядовой боец Шахов, ранее помогавший танкистам. Шахов—разведчик, снайпер, но не танкист, а сейчас он в танке. Гвардеец должен быстро овладевать любым оружием. И Шахов в кратчайшие сроки осваивает танк. Вот он уже на протяжении 6 суток один в танке и с яростью ведет огонь по противнику. Малейшее движение—и мигом отвечает пулеметная трель...

— Наш полковой танк, — с гордостью говорит Шахов и любовно осматривает машину. За эти дни он несколько раз удачно глушил огневые точки противника в сильно укрепленном здании.

... Ночь. Слышен шум мотора. Наш „огородник“ плавно прорезает звездное небо и находит цель. Взрыв. Горят боеприпасы, загорается здание. Немцы спешат тушить пожар. Это за-

мечает наблюдатель и в то место летят наши мины. Немцы падают, удирают. Им так и не удается потушить огонь.

Таковы будни. На фронте...„ничего существенного...“

* * *

Темная облачная ночь скрывала их, и они бесшумно проникли во вражескую траншею. Она разветвляется, и разведчики попарно расходятся.

Форманов и Пшенов сворачивают влево. Еле заметно мерцает огонек. Это блиндаж. Разведчики ложатся и, притаив дыхание, наблюдают. У дверей сидит фриц. Время от времени голова его медленно пошатывается и резко падает. Его клонит ко сну.

— Подождем,—говорит Форманов.—Пусть покрепче заснет...

Томительные минуты ожидания.

Фотах Форманов—из Узбекистана. В эти минуты он вспоминает свою старушку Саару и ее ласковые слова: „Береги себя“. Фотах теперь бережет не только себя. Он отвечает за жизнь многих. А вот здесь, совсем рядом находится враг. Убить его—значит уберечь себя, своих товарищей. Фотах тихо подымается и на коленях отсчитывает шаги. До немца—рукой подать. Форманов протягивает руку и с волнением дотрагивается до винтовки солдата. Она повинуется ему и без сопротивления оставляет хозяина.

Пшенов остается около часового, охраняя его сон. Форманов прыгает в землянку. Неосторожное движение, глухой стук и громкий кашель... Часовой схватывается. Его рука судорожно ловит воздух и прежде, чем он успевает крикнуть, его опрокидывает удар по виску...

Пшенов тоже опускается в землянку, кладет свой автомат на плечо товарища. Зажигает спичку. На восьми нарах спят офицеры. Под нарами солдатня. Два разведчика без слов понимают друг друга. В гранаты заложены запалы. Через пару минут все смешивается с землей.

... По правому разветвлению траншеи прошли Мартьянов и Новиков. Перед ними дом, завалины, боевое охранение. Правее—немцы роют окопы. То и дело вспыхивают ракеты и разведчики тесно прижимаются к стенке.

Подошли ли уже разведчики справа?—Эта мысль мучает Мартьянова, так как действия должны быть одновременны, молниеносны. Раздается условный сигнал. Слева летят гранаты в блиндаж (там работает Форманов), справа ведут огонь для отвлечения внимания. Мартьянов ловко бросает противотанковую гранату по пулемету и прыгает в соседний окоп.

— Руки вверх! Хальт! Ложись!—кричит он залпом и дает автоматную очередь. Трое из работавших солдат убиты, остальные подымают руки. Подбегают Афанасьев, Горохов, Новиков. Мартьянов выталкивает солдат, разведчики хватают их прямо за шиворот и сталкивают в соседнюю траншею. Скорей, скорей. Пленные повинуются без ропота. Их приводят в штаб.

Гвардии сержант А. ЧЕХОВ

МОИ СНАЙПЕРСКИЕ ВЫСТРЕЛЫ ПО ВРАГУ

В начале войны я был послан в школу инструкторов-снайперов. Четыре с половиной месяца учебы дали мне очень многое. Прибыв вместе с другими товарищами на защиту Сталинграда, я думал только об одном: скорее винтовку в руки и на „охоту" за фрицами. Однако мечты о снайперской винтовке пришлось на время оставить.

Горячие были дни. Меня назначили командиром отделения. Много раз ходили мы в атаку, не один десяток гитлеровцев уложили на улицах Сталинграда. Я стрелял из обыкновенной трехлинейной винтовки.

Вскоре командование вручило мне снайперскую винтовку.

Выбрав удобный момент, я пристрелял оружие и на другой же день начался у меня „охотничий сезон". Я пробрался в развалины дома, залег за каменный выступ и стал ждать. Первый день оказался удачным—я убил 12 фашистов.

Товарищи разведчики сообщили мне, что в районе большого здания обнаглевшие немцы ходят во весь рост. На следующее утро я уже лежал в укрытом месте и ловил на перекрестке фрицев. Расстояние до них 500—600 метров. Сделал поправки в прицеле и сразил гитлеровца. Дело пошло, хотя бандиты стали осторожнее, все же 8 гадов легли от моих восьми выстрелов. За несколько дней „охоты" в Сталинграде я убил из своей винтовки 40 фашистских захватчиков. Я буду убивать их беспощадно и в будущем. Моя мечта—научить снайперскому искусству своих друзей. Мой товарищ Александр Залавский оказался способным учеником: сейчас на его лицевом счету уже имеется 43 истребленных фрица, которых он убил из снайперской винтовки.

Гвардии красноармеец В. КОМАРОВ

ДЕЙСТВУЕМ МЕЛКИМИ ГРУППАМИ

Уличные бои имеют свои особенности. Тут приходится вести жестокие бои за каждую улицу, дом, этаж. Если в поле во время наступления часто решает исход боя превосходство в силе, то в уличных боях—наоборот. Действия мелких групп—вот что главное сейчас в боях при защите Сталинграда.

Нашему отделению приказали выдвинуться вперед и взять под обстрел сквер, чтобы не дать возможности просочиться немецким автоматчикам в нашу оборону. Вместе с бойцами

Плюшкиным, Лемешко мы продвинулись вперед и установили свой пулемет на третьем этаже одного дома.

Немцы обнаружили наше появление в доме и прямой наводкой из орудий открыли огонь. Тогда мы перешли в нижний этаж, тщательно замаскировались. Немцы, введенные в заблуждение, продолжали бить по третьему этажу, а мы из „Максима" в то время короткими очередями уничтожали вражеских автоматчиков.

На другой день подразделение получило приказ выбить противника из школы. Задача была нелегка.

Враг коварен и хитер. Мы стараемся перехитрить его. Прежде чем пойти в наступление, командир отделения выделил группу бойцов и приказал им „прочесать" из автоматов все опасные места, особенно дома, где часто скрывались немецкие автоматчики. Решение командира оказалось правильным. После этого мы продвинулись вперед и овладели важным рубежом противника.

Снайпер гвардии сержант А. Залавский, сражаясь на улицах Сталинграда, истребил 43 немца.

Гвардии красноармеец Г. МАЛЫШЕВ

РУЧНОЙ ПУЛЕМЕТ—ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Ручной пулемет—грозное оружие. С ним враг не страшен. Хорошо за ним следить—и пулемет никогда не подведет в бою.

Не так давно на нас пошли немцы. Много их было. Они хотели взять хитростью—обойти нас с флангов. Пытаясь нас обмануть, часть немцев шла в лоб и беспорядочно палила из автоматов, а другие тем временем незаметно крались в обход.

Но просчитались бандиты! Наш пулемет они не заметили. Мы его пристроили за откосом стены, в грудах щебня. Немцы подошли ближе, на открытую ровную местность. Расстояние осталось не больше 200 метров. Вот здесь и „заговорил“ наш „Дегтярев“. Один за другим, как снопы, валились фашисты. Я бил гадов с азартом, все торопил Боровченко, чтобы скорее подавал диски. Много немцев положили мы в этот день и не пропустили к нашим окопам.

Наутро обозленные немцы пошли опять. Теперь я стрелял уже увереннее, спокойнее. Еще ближе подпустили мы гитлеровцев и в упор их расстреливали.

Более 25 немцев убили мы за два дня. Я твердо уверен, что пулемет меня не подведет. На нашем участке враг не пройдет!

Заместитель политрука А. СУВОРОВ

МЕТКО БЬЕМ ПО ТАНКАМ ВРАГА

Умело выбрав огневые позиции, бронебойщики ждут фашистские танки. Крепко научились бить их отважные воины. И когда нужно было остановить врага, идущего на наш рубеж, заговорило противотанковое ружье красноармейца Кузьмина. Он обрушил огонь на танки и метким выстрелом поджог один из них. Враг остановился.

Красноармеец Алиханов не только подбил вражескую штабную автомашину, уничтожил трех солдат и офицеров, но и забрал ценные документы, находящиеся в ней, и доставил их в свой штаб.

Стойко и мужественно дерутся за Сталинград бронебойщики подразделения, где политруком тов. Кузьменко. В боях, где каждый дом надо брать штурмом, для бронебойщика возможностей много.

Наша пехота идет в наступление. Но продвижение ее задерживают вражеские огневые точки. Задача бронебойщиков—подавить их. Расчеты занимают огневые позиции. И никакая маскировка, никакие преграды не спасут врага от гибели. Отважный бронебойщик сержант Глущенко одну за другой уничтожает пять огневых точек врага, четыре ручных пулемета и один станковый вместе с прислугой. Красноармеец Поддубный—молодой боец, но он уже умелый бронебойщик. В первом же бою он уничтожил два станковых и один ручной пулемет врага и убил пять фрицев.

Ни один вражеский танк не уходит и не уйдет от метких ударов наших бронебойщиков, не упустим ни одной цели.

Гвардии ст. сержант П. ИЩЕНКО

КАЖДУЮ МИНУ—ТОЧНО В ЦЕЛЬ

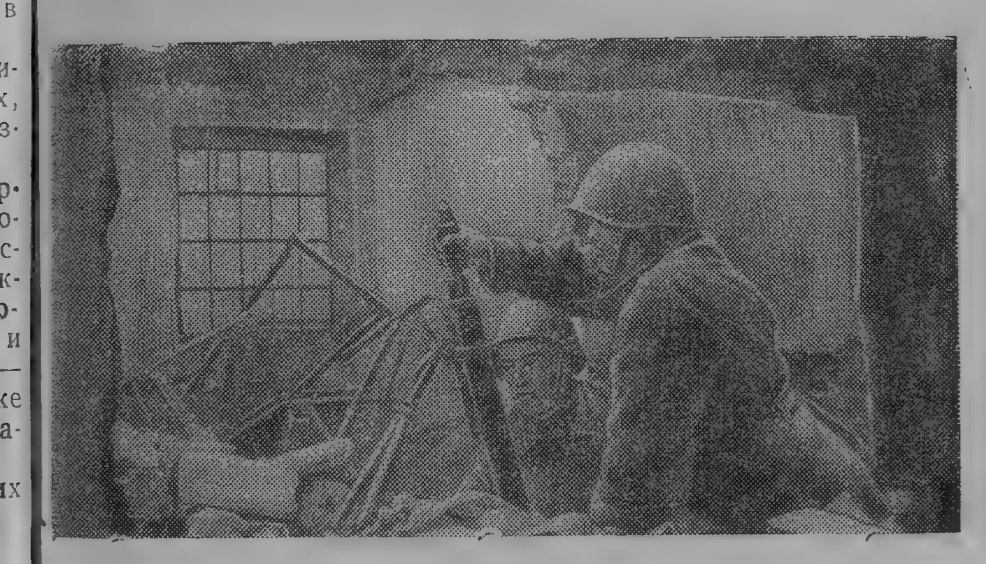
До вступления в бой мы усиленно изучали свое оружие. Каждый боец расчета стремился в совершенстве овладеть минометом, до тонкости знать приемы стрельбы из него.

Но учиться времени было мало. Наступили дни боев. На нашу долю выпала большая честь—защищать Сталинград. Вот здесь-то, в боях с гитлеровцами, и проходила боевая учеба.

Однажды немцы прорвали нашу оборону и угрожали захватить боевую технику. Наш расчет не дрогнул. В течение нескольких часов вел сильный огонь по врагу. Вражеская атака захлебнулась. На поле боя остались десятки трупов немецких солдат. Особенно отличились в этом бою наводчик сержант тов. Караев и второй номер тов. Левченко. Они четко выполняли свои обязанности, точно поражали цели врага.

Вторично разгорелся бой. Первый и второй номера вышли из строя. Мне пришлось одному отражать атаку,—сам был и за командира расчета, наводчика и подносчика мин. И на этот раз победа была на нашей стороне.

Вот наш лицевой счет за время боев: убито 130 гитлеровцев, уничтожено 10 вражеских пулеметных точек, 11 минометных точек и разрушено 25 немецких блиндажей. На этом мы счет только начали. Приказ № 345 Наркома обороны, наказ Родины будет выполнен. Мы очистим родную землю от гитлеровских мерзавцев.

Минометчики подразделения ст. лейтенанта Мощенко ведут огонь по врагу.

Гвардии старший лейтенант Ю. РОЗЕНМАН

ДЕРЗКИЙ НАЛЕТ

В центре городской площади стоял каменный дом. Гитлеровцы прорыли к дому ход сообщения, ночью установили в здании ручные пулеметы и миномет. Взяв под контроль площадь и прилегающие к ней дома, занимаемые нашими гвардейцами, захватчики в продолжение нескольких дней сковывали действия бойцов.

Взять опорный пункт врага, подавить его огневые средства и захватить „языка"—такая задача была поставлена перед группой гвардейцев-разведчиков. Непосредственное руководство операцией было поручено прославленному разведчику-снайперу гвардии старшему сержанту Василию Мартьянову. Двое суток Мартьянов лично наблюдал за районом расположения противника, изучая местность. На основании точных данных разведки был разработан план блокирования укрепленного здания. Подступы к дому и вся площадь яростно обстреливались врагом, поэтому разведчики, с целью рассредоточить внимание противника, были разбиты на три группы.

Первая группа имела задачу атаковать опорный пункт в лоб. Вторая действовала с тыла, со стороны хода сообщения, а третья группа, заняв выгодные позиции, прикрывала действия двух первых.

Все три группы действовали точно по разработанному плану. Перед началом штурма разведчики, искусно подобравшись, перерезали телефонную связь, идущую из дома в тыл к немцам. Группа, возглавляемая сержантом Новиковым, по ходу сообщения подошла к тыловому выходу из дома. Гвардии красноармеец Фарманов бесшумно снял немецкого часового и вместе с гвардии красноармейцем Пшеновым забросал гранатами подвал, в котором находилась часть немецкого гарнизона.

Взрыв первой гранаты послужил сигналом для общих действий. Группа под командованием старшего сержанта Мартьянова, действующая в лоб, быстро перебежала улицу, уничтожила второго часового и противотанковыми гранатами забросала первый этаж здания. В окна было брошено 19 гранат, от силы взрыва стены дома обрушились, рухнул потолок. Все фашистские солдаты и офицеры, находившиеся в доме, были уничтожены. Гвардейцы Мартьянов, Шахов, Бажанов, Пшенов вступили в рукопашную борьбу с врагами, которые укрылись в ходе сообщения. Пять из них были уничтожены, трое взяты в плен.

В результате дерзкого налета дом был разрушен. Вся операция, в которой участвовало 15 гвардейцев-разведчиков, была проведена очень быстро и внезапно для врага.

Гвардии красноармеец Борис ШМЕЛЕВ

КАК Я ПОДБИЛ НЕМЕЦКИЙ ТАНК

Получив приказ от командира, я занял огневую позицию на склоне лощины, вблизи разбитого дома. В полный рост вырыл ячейку, замаскировал ее, кругом положил кирпич, щебень. Место обеспечивало хороший обзор.

На рассвете немцы пошли в наступление. Впереди они пустили танки. Я подготовился и решил терпеливо ждать более удобного момента. Мне надо было, чтобы танк пошел под углом—в боковую часть всегда бить легче. Расстояние все уменьшалось. Но я не спускал глаз с танка. Когда он приблизился, был уже в 150 метрах от окопов, я дал первый выстрел. Танк сразу задымился и остановился.

Это было начало моего лицевого счета.

Умелому бронебойщику вражеский танк не страшен. Получил приказ выбрать огневую позицию,—тщательно замаскируйся и хладнокровно веди огонь по приближающимся танкам. Бронебойщик должен хорошо знать: выстоишь—всегда победишь, струсишь—погибнешь.

Я дал клятву своей любимой родине, что не пропущу ни одного вражеского танка. Эту клятву я свято выполняю.

Наблюдатель гвардии красноармеец М. Дубик на наблюдательном пункте.

Гвардии старший батальонный комиссар Г. МАРЧЕНКО

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ УЛИЧНОГО БОЯ

Опыт обороны Сталинграда показал, что противник часто меняет тактику уличного боя. Сосредотачивая массированный огонь на одном узком участке, немцы атакуют его в течение долгого времени, стремясь добиться прорыва наших боевых порядков. Но планы врага обречены на провал. Четко налаженная разведка, постоянное наблюдение позволяют гвардейцам опередить врага.

Уличный бой имеет свои особенности. Наиболее эффективны действия мелкими группами. При наступлении на одну из улиц было создано несколько таких групп. Каждый боец в их составе знал свое место, откуда, с какой стороны заходить, как действовать. Для поддержания этих групп были выделены бронебойщики и минометчики.

Большую роль играет четкая связь пехотинцев с артиллеристами. Когда подразделение занимало улицы, артиллеристы уже переносили свой огонь дальше. Такая операция гарантировала успех.

Получив задачу, политрук тов. Наумов поставил себе целью изучить огневые средства немцев, засевших в одном доме. Он решил действовать двумя группами. Одна группа зашла с тыла и забросала гитлеровцев гранатами. Другая начала наступление. В короткий срок бойцы выбили фашистов и овладели зданием.

Встречая все возрастающее сопротивление, немецкое командование бросало в бой новые резервы, которые тут же перемалывались нашими бойцами. На одном узком участке противнику, ценой больших потерь, удалось несколько потеснить небольшую группу наших бойцов. Сюда гитлеровцы бросили батальон только что прибывшего пехотного полка из нового пополнения. Двенадцать наших бесстрашных гвардейцев во главе с лейтенантом Банниковым и политруком Акшинцевым, действуя мелкими группами, нанесли противнику значительный урон, обратив его в паническое бегство.

Действия мелкими группами вызвали необходимость изменить методы проведения партийно-политической работы. Индивидуальные беседы с бойцами; „Письмо-летучка", отражающее успехи отдельных бойцов и целых групп; „Боевые листки", рассказывающие о действиях бойцов; громкая читка газет,—все это приобретало теперь еще большее значение.

Агитатор силен тогда, когда он свое слово подкрепляет делом и сам бесстрашно действует в бою. Когда подразделение шло в бой, агитатор тов. Мельков выдвинулся вперед, уничтожил огневую точку противника и обеспечил беспрепятственное продвижение нашим бойцам. Хорошими агитаторами

являются парторг роты т. Качухидзе, большевистским словом и личным примером воодушевляющий красноармейцев в бою, коммунист тов. Тимофеев, возглавлявший бойцов при взятии дзота, и многие другие.

Беседа агитатора, заметка в „Боевом листке“ или в „Письме-летучке“ носят конкретный характер. Агитатор Устименко рассказывает о боевых традициях комсомола в гражданской войне и тут же приводит примеры из действий комсомольцев и молодежи своего расчета. После боя в одном из подразделений, где военкомом тов. Копейкин, вышел „Боевой листок“. Он посвящен герою уличного боя, отважному гвардейцу Тупикову.

Перед наступлением с коммунистами проводятся боевые совещания. Они очень кратки, но каждый коммунист получает точную задачу. Коммунисты ставятся там, где обстановка требует наиболее решительных мер.

Отвечая на призыв участников обороны Царицына, гвардейцы поклялись, что они не пожалеют ни своих сил, ни своей жизни для разгрома врага под Сталинградом. „С железным упорством и большевистской настойчивостью будем бить врага беспощадно, до полного его уничтожения“,—пишут гвардейцы в своем письме.

Клятва, которую дали родине гвардейцы, будет выполнена. Волжская твердыня—Сталинград—была, есть и будет советской!

Гвардейцы дивизии Родимцева, отличившиеся в уличных боях. Слева направо: старший лейтенант П. Мощенко, младший лейтенант В. Бондаренко, старший лейтенант Н. Скачков и старший лейтенант М. Сазонов.

З. КАЦ, М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

ЗАКОНЫ ГВАРДИИ

Ты с нами, бессмертная русская доблесть,
    Ты—меч богатырский и щит.
Суворовской славы немеркнущий отблеск
    На знамени нашем горит.

Где встали гвардейцы стеной нерушимой,
    Не смогут прорваться враги.
В атаках стремительных неудержимы
    Геройские наши полки.

Законы гвардейцев—простые законы:
    В сраженьи коли и рази!
А если случается вышли патроны,—
    Зубами врага загрызи!

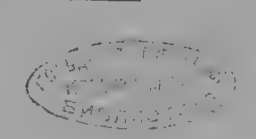
Законы гвардейские не на бумаге
    Писались холодным пером,
В бою начертала их наша отвага
    Отточенным русским штыком.

Гвардейцы не знают ни в чем промедленья,
    И, взяв молодецкий разгон,
Не ведая страха, идут в наступленье,
    И в этом—их главный закон.

Гвардейская воля крепка и могуча,
    Ее наш народ закалил.
И тот не гвардеец, не лучший из лучших,
    Кто немца в бою не убил.

Гвардейскую долю с народной судьбою
    Закон породнил вековой:
Гвардеец последним выходит из боя
    И первым бросается в бой!

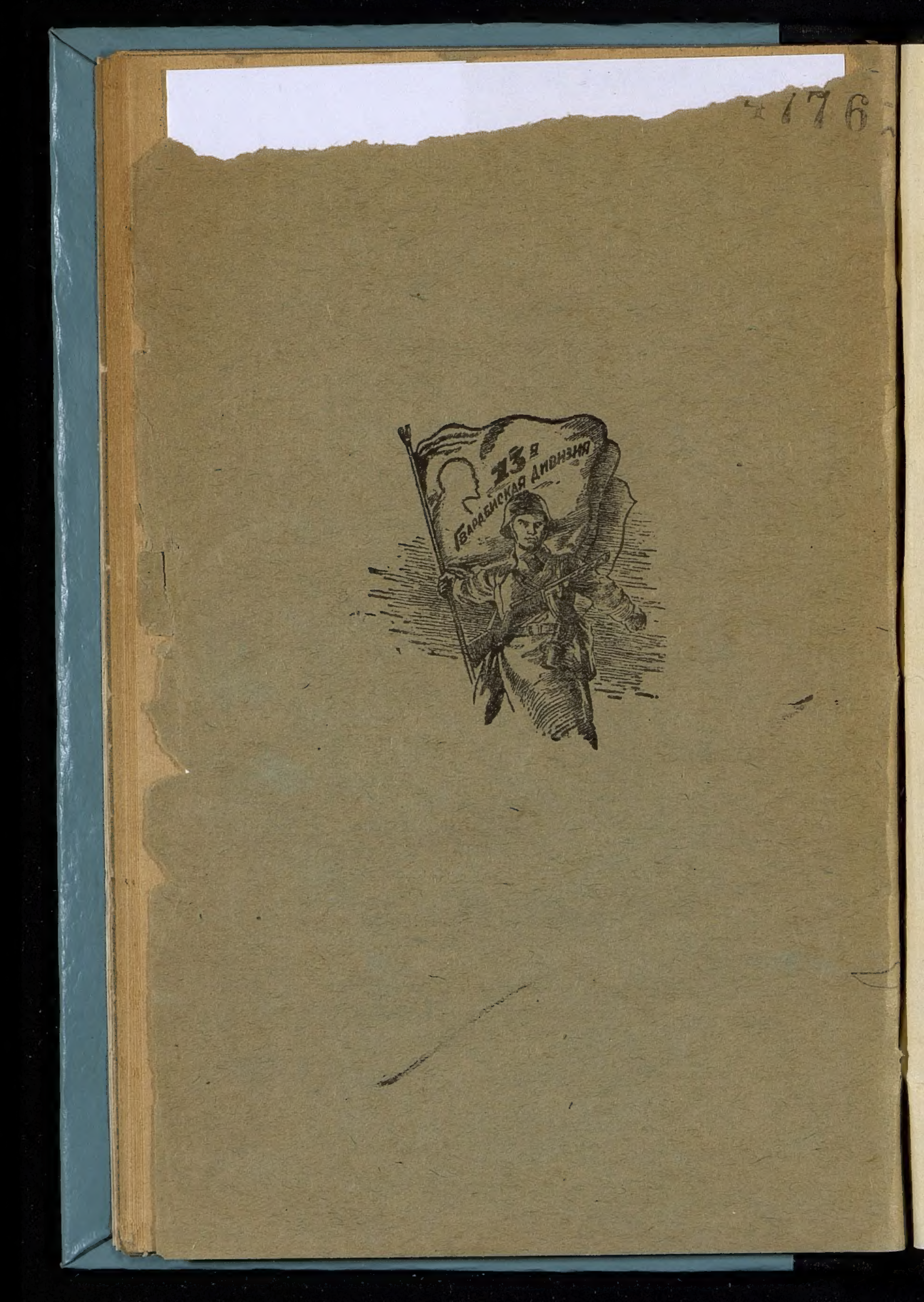
Бессмертная русская доблесть, ты с нами,
    Ты меч богатырский и щит.
Пусть наше пробитое пулями знамя
    Победно над боем шумит.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ЗАЩИТЕ СТАЛИНГРАДСКИХ РУБЕЖЕЙ

СЛОВО ГВАРДЕЙЦЕВ

13я
Гвардейская дивизия